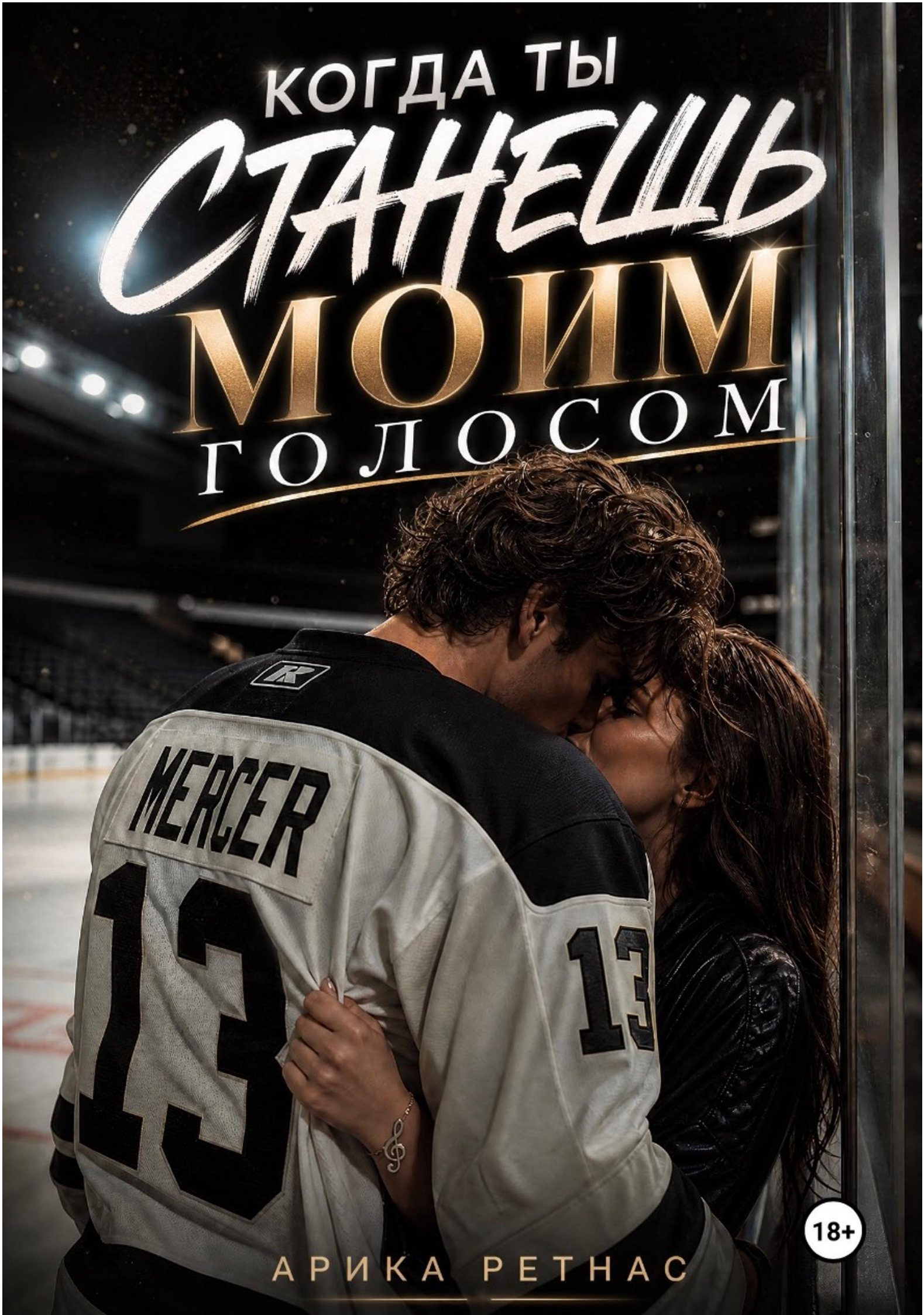
КОГДА ТЫ СТАНЕШЬ МОИМ ГОЛОСОМ



18+

АРИКА РЕТНАС

Арика Ретнас

Когда ты станешь моим голосом

«Автор»

2026

Ретнас А.

Когда ты станешь моим голосом / А. Ретнас — «Автор», 2026

«Кричи в меня, птичка. Я выдержу за нас двоих».В кампусе Аврору Винсли считают сломанной. Красивой тенью с блокнотом и секретом, который год назад украл у неё голос. Все смотрят на неё с жалостью. Все, кроме него.Коул Мерсер по прозвищу «Жнец» — лучший защитник хоккейной лиги и ходячая угроза. Высокий, покрытый татуировками, с репутацией парня, который крушит кости на льду и женские сердца за его пределами. У него нет тормозов, но есть одна цель — драфт НХЛ. И когда его карьера оказывается на волоске, его единственным шансом на спасение становится девушка, не произнесшая за год ни звука.Они — лед и битое стекло. Ему нужно её молчаливое согласие. Ей — держаться подальше от него.В темноте пустой арены между ними вспыхивает опасное, всепоглощающее притяжение. Коулу не нужны слова, чтобы слышать её. Но чтобы спасти друг друга от демонов прошлого, ему придется стать её щитом, а ей снова обрести свой голос.Хоккейный роман (18+), который разобьет ваше сердце и соберет его заново.

© Ретнас А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
ЧАСТЬ 1. СТОЛКНОВЕНИЕ 8
Глава 1. Коул 9
Глава 2. Аврора 14
Глава 3. Коул 18
Глава 4. Аврора 24
Глава 5. Коул 30
Глава 6. Аврора 38
Глава 7. Коул 44
Глава 8. Аврора 49
Глава 9. Коул 55
Глава 10. Аврора 60
Глава 11. 67
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Арика Ретнас
Когда ты станешь моим голосом

Пролог

Говорят, тишина не имеет веса.

Это наглая, бессовестная ложь, придуманная людьми, которые никогда в ней не тонули.

У моей тишины вкус ржавого железа, дробленого кварцевого стекла и октябрьской дождевой воды. Она весит ровно столько, сколько способна выдержать грудная клетка двадцатилетней девушки, прежде чем ребра начнут с тихим хрустом вдавливаться в легкие. Она пахнет озоном, дешевым вишневым блеском для губ, которым пользовалась не я, и выжженным дотла будущим.

Но хуже всего то, что перед тем, как наступить, тишина оглушает.

Если я закрываю глаза — а я стараюсь делать это как можно реже, особенно по ночам, когда тени в углах моей спальни начинают сгущаться и дышать, — меня снова выбрасывает в ту ночь. Память не спрашивает разрешения. Она хватает меня за горло ледяными пальцами и швыряет обратно, в замкнутое, наэлектризованное пространство, пропахшее ванильным ароматизатором, мокрой кожей наших курток и чистой, незамутненной эйфорией.

В ту ночь мы были бессмертными. По крайней мере, нам так казалось в двадцать три часа сорок две минуты.

Дождь тогда не просто шел — небо над городом словно вспороли тупым ножом, и черная, тяжелая вода обрушивалась на мир сплошной стеной. Крупные капли с яростным треском разбивались о лобовое стекло, превращая огни встречных машин и неоновые вывески придорожных закусочных в длинные, кровоточащие мазки акварели. Оранжевый, слепящий белый, ядовито-красный. Стеклоочистители надрывно скрипели, мечась из стороны в сторону в безуспешной попытке расчистить нам взгляд в будущее, но вода размывала всё.

Внутри нашего крошечного, отрезанного от стихии мирка было душно и жарко. На приборной панели тусклым зеленым светом горели цифры часов, а из старых динамиков на пределе возможностей хрипела музыка. Басы вибрировали под подошвами моих армейских ботинок, отдавались в кончиках пальцев, заставляли дрожать пластиковый стаканчик с давно остывшим кофе в подстаканнике.

На коленях у меня лежала потрепанная тетрадь в черной кожаной обложке. Страницы, исписанные торопливым, размашистым почерком, были испещрены зачеркиваниями, кляксами от чернил и пометками на полях: *«Здесь выше! На разрыв! Пусть у них мурашки пойдут по коже!»*.

Мы только что ушли со сцены. В моих волосах еще запутался запах чужого табачного дыма и дешевого парфюма из студенческого клуба, на коже еще не остыл жар софитов, а в венах вместо крови тек жидкий, искрящийся адреналин. Мы сделали это. Мы заставили зал замереть.

— Спой этот переход еще раз, Рори! — смех справа от меня звенел, как хрустальные колокольчики, перекрывая шум ливня и гул мотора. — Ну же! Так, чтобы стекла вылетели!

Я помню, как повернула голову. Помню влажные от дождя светлые пряди, прилипшие к её раскрасневшимся щекам. Помню блеск глаз, в которых отражались пролетающие мимо фонари. В тот миг в ней было столько жизни, что её хватило бы на десяток вселенных. Она выкрутила колесико громкости до упора, так, что динамики захлебнулись на высоких частотах, и ударила ладонями по кожаной обивке в такт ритму.

И я вдохнула.

Господи, я до сих пор помню тот вдох до мельчайших физиологических подробностей. Как холодный, влажный воздух ворвался в легкие, расширяя диафрагму. Как напряглись мышцы пресса, выталкивая звук наверх, к связкам, которые слушались меня с абсолютной, безупречной покорностью. Для меня пение никогда не было просто техникой или набором правильных частот — это был единственный способ выпустить наружу тот ураган, который не помещался внутри.

Мы запели одновременно. На два голоса, сплетаясь в сложную, пронзительную гармонию, которую репетировали неделями в пустых аудиториях.

Звук заполнил всё пространство до последнего миллиметра. Мы не просто пели — мы кричали эту мелодию в лицо шторму, смеясь между строчками, задыхаясь от счастья и собственной молодости. Нам казалось, что если мы возьмем эту ноту достаточно высоко и чисто, мир просто обязан будет прогнуться под нас.

Я закрыла глаза, уходя на самый сложный, верхний регистр в припеве. Горло вибрировало от напряжения, звук летел свободно, мощно, перекрывая и вой ветра за окном, и шум дождя, и вообще всё, что происходило за пределами нашей капсулы. Мы были так громки. Мы были так чертовски, непростительно громки, что просто стерли для себя остальной мир.

Я тянула ноту — чистую, звенящую, бесконечную, как натянутая до предела серебряная струна.

А потом мир вокруг нас вспыхнул ослепительно-белым, холодным светом, которому неоткуда было взяться на пустой ночной дороге.

Этот свет не грел. Он выжигал сетчатку даже сквозь сомкнутые веки.

Следом за светом пришел звук, но это была уже не музыка. Моя высокая, идеальная нота внезапно захлебнулась, разрезанная пополам чудовищным, первобытным грохотом, от которого, казалось, раскололась сама земная кора.

Время потеряло плотность, превратившись в густой, вязкий кисель.

Я не помню боли — она пришла гораздо позже, в стерильных стенах, пахнущих хлоркой и безнадежностью. Но я помню, как исчезла гравитация. Помню, как в воздухе, словно мириады крошечных алмазных звезд, медленно и почти красиво закружились осколки каленого стекла. Помню, как черная нотная тетрадь взметнулась вверх, теряя вырванные с корнем страницы, которые тут же намокали от хлынувшей внутрь ледяной воды и чего-то густого, темно-багрового, пахнущего медью.

И помню тишину, которая рухнула сверху через секунду после того, как вселенная перестала вращаться.

Только монотонный стук дождя по искореженному, дымящемуся металлу. Только шипение вытекающей жидкости. И далекая, застрявшая в искореженном динамике музыкальная петля, которая раз за разом, словно насмехаясь, повторяла один и тот же оборванный аккорд.

В темноте, пахнущей гарью и мокрым асфальтом, моя ладонь нащупала чужие пальцы. Они были совсем рядом, всего в нескольких сантиметрах. Я сжала их со всей силы, на которую было способно мое оглушенное, не слушающееся тело, отчаянно ожидая ответного движения. Легкого сжатия. Дрожи. Чего угодно.

Но пальцы под моей ладонью оставались пугающе, неправильно неподвижными. И с каждой секундой, с каждой каплей ледяного дождя, падающей мне на лицо сквозь разбитое окно, из них уходило тепло.

Именно тогда я попыталась позвать на помощь.

Я раскрыла пересохшие, разбитые в кровь губы. Я собрала весь оставшийся в груди воздух, все свое отчаяние, весь животный, парализующий ужас, который раздирал меня изнутри на куски, и толкнула его вверх, к горлу. Я хотела закричать так, чтобы меня услышал сам Бог за этими черными грозовыми тучами.

Но не раздалось ничего.

Ни крика. Ни всхлипа. Ни хрипа.

Мои связки, которые еще минуту назад творили магию, превратились в мертвый камень. Внутри моей гортани словно захлопнулась тяжелая стальная дверь, а ключ от неё утонул в луже дождевой воды и крови. Мой собственный разум вынес мне приговор без права на обжалование: *твой голос заглушил опасность. Твоя песня стоила слишком дорого. Ты больше не имеешь права звучать.*

С той ночи прошло триста семьдесят два дня.

Триста семьдесят два рассвета, которые я встретила с крепко сжатыми губами. Я научилась разговаривать с миром кончиками пальцев по холодному экрану телефона и грифелем карандаша по бумаге. Я научилась прятать глаза под капюшонами безразмерных толстовок и выдерживать чужую липкую жалость, не меняясь в лице. Я выстроила вокруг себя неприступную крепость из абсолютного безмолвия, искренне веря, что так будет до самого конца.

Я просто не знала, что однажды в мою тишину с грохотом коньков по льду и запахом морозной мяты ворвется парень со сбитыми в кровь костяшками пальцев и глазами цвета предгрозового неба. Парень, который посмотрит на мои плотно сжатые губы без капли сочувствия и докажет, что для того, чтобы услышать чью-то душу, слова не нужны вовсе.

ЧАСТЬ 1. СТОЛКНОВЕНИЕ

Глава 1. Коул

Звук, с которым девяносто пять килограммов живой мышечной массы, упакованной в пластиковую броню, впечатываются в поликарбонатный борт, невозможно ни с чем перепутать.

Это глухой, вибрирующий удар, который сначала проходит по подошвам твоих коньков, затем поднимается вверх по голеням, отдается в сжатых до скрежета коренных зубах и только потом взрывается ревом восьми тысяч глоток под сводами арены.

Для большинства людей этот звук означает боль. Для меня он означает, что в моей голове наконец-то наступила блаженная тишина.

— Держи синюю линию, Мерсер! Не давай ему развернуться! — сорванный бас Броди, нашего капитана, пробился сквозь гул трибун и грохот коньков.

Я даже не кивнул. Капли пота стекали по вискам под черным шлемом, застилая глаза едкой солью, а легкие горели так, будто я последние сорок минут дышал толченым стеклом и ледяной крошкой. На табло до конца третьего периода оставалось сорок две секунды. Счет был 3:2 в нашу пользу, и «Ястребы» из университета Сент-Джуд сняли вратаря, выпустив шестого полевого игрока. Они лезли на наш пятачок с отчаянием утопающих.

Я скользнул назад, спиной чувствуя дыхание своего вратаря, Мэтта, и сжал рукоять клюшки так, что даже сквозь толстую кожу краг пальцы свело судорогой. Лед под лезвиями был изрезан в кашу, превратившись в матовую, иссеченную глубокими шрамами равнину, залитую холодным, слепящим светом прожекторов.

Центральный нападающий гостей — здоровый ублюдок с номером «двадцать четыре» на спине, который во втором периоде исподтишка ткнул нашего первокурсника клюшкой под ребра, — получил пас на скорости и рванул по правому флангу. Он хотел уйти на вираж, качнуть меня корпусом и вырезать шайбу на дальнюю штангу.

Плохая идея.

Я прочитал его за секунду до того, как он сам понял, что собирается сделать. Толчок левым коньком, резкий перенос веса, лезвия взрезают лед, поднимая веер белой снежной пыли. Мы шли на встречных курсах, как два локомотива на одной колее. Я видел, как в последний миг расширились его зрачки за визором, когда он осознал, что тормозить поздно.

Я опустил плечо и вошел в него всем корпусом.

Бам.

Стекло задрожало так, что болельщики в первом ряду с визгом отшатнулись, расплескивая пиво из пластиковых стаканов. Двадцать четвертый номер распластался по борту, как мотылек на лобовом стекле грузовика, и с глухим стоном сполз на лед, потеряв шлем. Шайба отскочила прямо на крюк Броди, который мощным щелчком через всю площадку отправил её в пустые ворота соперника.

Красный фонарь за спиной чужой зоны вспыхнул одновременно с оглушительным воем финальной сирены.

4:2. Первая игра сезона. Первая победа «Титанов».

Арена сошла с ума. Студенческий сектор превратился в сплошное бурлящее море черно-серебряных шарфов, баннеров и оглушительного крика. Из динамиков под куполом на полной мощности ударил тяжелый рок, от которого вибрировал воздух. Команда высыпала со скамейки на лед, сбиваясь в общую кучу вокруг Мэтта, стуча клюшками по щиткам и шлемам.

Я медленно выпрямился, тяжело дыша и глядя сверху вниз на двадцать четвертого номера, который всё еще пытался собрать воздух в выбитые легкие.

— В следующий раз смотри, кого трогаешь, сукин сын, — бросил я ему, выплевывая капу, и развернулся к своим.

— Чертов Жнец! — Броди с размаху врезался в меня плечом, обхватывая за шею в перчатке, пропахшей потом и победой. — Ты видел, как у него коньки от льда оторвались?! Скауты из «Бостона» на верхнем ярусе наверняка кончили прямо в свои блокноты!

Я криво усмехнулся, стягивая шлем и проводя ладонью по мокрым, слипшимся темным волосам. Холодный воздух арены мгновенно остудил разгоряченную кожу.

Победа на вкус всегда была одинаковой — как чистый адреналин с привкусом железа от прикушенной во время силовой борьбы щеки. Пока ты на льду, пока в венах кипит эта первобытная ярость, ты — король. Ты неуязвим. Проблемы начинаются в ту секунду, когда ты сходишь с резинового коврика в раздевалке и возвращаешься в реальный мир.

Через два часа наш двухэтажный особняк на окраине кампуса, который я делил с Броди, Мэттом и еще двумя парнями из первого звена, трещал по швам.

Вечеринки после открытия сезона всегда превращались в филиал ада, но сегодня парни превзошли сами себя. В гостиной было не протолкнуться: воздух стал густым и липким от смеси дешевого пива из кегов, дорогого женского парфюма, вейпов с вишневым дымом и разгоряченных тел. Басы из колонок били прямо по перепонкам, заставляя дребезжать пустые бутылки на каминной полке и фотографии бывших составов «Титанов» на стенах.

Я стоял на кухне, привалившись поясницей к гранитной столешнице, и медленно цедил ледяную воду из бутылки. После игры мне еще не хотелось пить алкоголь — тело всё еще гудело от перегрузки, а в правом плече, которым я впечатал того нападающего, начинала разворачиваться тупая, тянущая боль. На мне были простые черные джинсы и темно-серая футболка, плотно обтягивающая грудь и предплечья, вдоль которых от запястья до самого бицепса вились черные контуры татуировок.

— Эй, Мерсер, ты чего тут спрятался? Там полкампуса пришло посмотреть на твой силовой во втором периоде! — Мэтт протиснулся ко мне, держа в каждой руке по три красных пластиковых стаканчика, и кивнул в сторону арки, ведущей в гостиную.

Оттуда на меня уже минут пятнадцать откровенно охотилась блондинка из сестринства «Дельта» в топе, который держался исключительно на честном слове и законах физики. В прошлом году я бы уже вел её за руку вверх по лестнице в свою спальню, закрывая дверь на замок и не спрашивая имени. Это было просто, понятно и не требовало никаких обязательств: тридцать минут жесткой разрядки, душ и пустая постель к утру.

Но сегодня внутри меня с самого вечера скреблось какое-то глухое, вязкое раздражение.

Прежде чем я успел ответить Мэтту, телефон в переднем кармане моих джинсов коротко и требовательно завибрировал.

Я достал его. Одного взгляда на светящийся экран хватило, чтобы мышцы вдоль моего позвоночника каменели, а челюсти сжались до боли.

Ричард Мерсер.

Мой отец никогда не присылал сообщений. И он никогда не звонил, чтобы поздравить с победой.

Развернувшись спиной к шумной кухне, я вышел через заднюю дверь на деревянную веранду, прикрыв за собой стеклопакет. Здесь, под темным октябрьским небом, было прохладно. Пахло прелой листвой, сырой землей и надвигающимся дождем. Гул вечеринки за спиной превратился в приглушенное буханье.

Я провел пальцем по экрану и поднес телефон к уху.

— Да.

— Во втором периоде ты дважды потерял позицию при выходе из зоны, Коул, — голос отца в динамике звучал так, будто он диктовал отчет о вскрытии. Холодный, жесткий, с тем самым властным металлическим оттенком, который за пятнадцать лет в НХЛ въелся в него

намертво. Никакого «привет». Никакого «с отличным началом сезона, сын». — Ты заигрался в тафгая у бортов и оставил центральный коридор открытым.

Я уперся свободной рукой в деревянные перила веранды. Дерево под моими пальцами жалобно скрипнуло.

— Мы выиграли четыре-два, отец. Моя смена закончилась с показателем полезности «плюс три», а с моей подачи забили победную.

— Против «Сент-Джуда», у которых половина защиты — зеленые первокурсники, — отрезал он. На фоне послышался звон льда о хрустальный бокал. Наверняка сидит в своем кабинете в Бостоне, под четырьмя чемпионскими перстнями в стеклянной витрине, и пересматривает запись трансляции с карандашом в руке. — Я разговаривал с Дэйвом из скаутского бюро «Рейнджерс» десять минут назад. Они были на трибуне. Знаешь, что он сказал мне про твой хит на последней минуте?

Я молчал, глядя в темноту заднего двора и чувствуя, как знакомый, ядовитый гнев начинает медленно подниматься от желудка к горлу.

— Он сказал, что ты действуешьна эмоциях, а не на расчете, — продолжил отец, чеканя каждое слово. — В профессиональной лиге за такую недисциплинированность тебя сожрут в первом же раунде плей-офф. Ты носишь мою фамилию на спине, Коул. Люди ждут от тебя интеллекта на льду, а не уличной бойни. Если ты хочешь уйти в первом раунде драфта весной, прекрати вести себя как неуправляемый бык. И скажи тренеру, чтобы дал тебе дополнительные часы по тактике.

— Еще что-нибудь? — мой голос прозвучал пугающе тихо, почти шепотом.

— Не пей сегодня. У тебя завтра утренняя раскатка.

Короткие гудки.

Я медленно опустил руку с телефоном. Несколько секунд я просто стоял неподвижно, глядя на свое размытое отражение в темном стекле двери. Внутри веранды смеялись люди, кто-то целовался у лестницы, Броди орал тост, стоя на диване. У всех них была нормальная студенческая жизнь. А у меня был призрак легендарного Ричарда Мерсера за плечом и планка, которую невозможно было перепрыгнуть, даже если ты разобьешься в кровь об лед.

В груди стало так тесно, что не хватало воздуха. Если я сейчас вернусь в этот дом, я либо разнесу кому-нибудь челюсть за случайный толчок плечом, либо сойду с ума.

Не заходя внутрь за курткой, я спустился по ступенькам веранды, обогнул дом по гравийной дорожке и сел за руль своего черного пикапа «Рэм». Мотор взревел, разрывая ночную тишину улицы, и я вырулил с парковки, вдавливая педаль газа в пол.

Бар «Ржавый якорь» находился на нейтральной территории в десяти минутах езды от кампуса — достаточно далеко, чтобы здесь не тусовались первокурсники из братств, и достаточно мрачно, чтобы никто не лез к тебе с разговорами.

Внутри пахло прогорклым маслом от картошки фри, старым деревом, дешевым бурбоном и мужским потом. Над зеленым сукном бильярдных столов висели низкие лампы в жестяных абажурах, выхватывая из полумрака татуированные руки и сосредоточенные лица местных работяг.

Я сел на крайний табурет у дальней части барной стойки, подальше от телевизоров, по которым всё еще крутили нарезку хайлайтов сегодняшнего игрового дня студенческой лиги.

— Виски. Двойной. Без льда, — бросил я бармену, рослому мужику с седой бородой, который знал меня в лицо, но имел достаточно такта, чтобы не просить автографы.

Стакан с янтарной жидкостью глухо стукнул о потертое дерево стойки. Я опрокинул его одним глотком. Огонь ободрал горло и тяжелым свинцовым комком упал в желудок, но тупой узел напряжения между лопатками даже не думал развязываться. Голос отца всё еще звучал в ушах: *«Ты носишь мою фамилию на спине… неуправляемый бык…»*

— Повтори, — я подвинул пустой стакан вперед.

Я не должен был здесь находиться. И уж точно мне не следовало пить на голодный желудок после трех периодов мясорубки на льду. Но сейчас мне отчаянно нужно было выключить голову.

Дверь бара с колокольчиком распахнулась, впуская с улицы порыв сырого ветра и громкую, развязную компанию из пяти человек. Я даже не повернул головы, глядя на ряды бутылок за спиной бармена, но по бордовым бомберам с золотыми нашивками в отражении зеркала сразу понял, кого принесло нелегкая.

Игроки из «Сент-Джуда». Те самые «Ястребы», которых мы два часа назад размазали по нашему льду. Видимо, перед тем как их автобус отправится обратно в свой штат, парни решили залить горечь поражения.

И, конечно же, из всех пятидесяти баров этого чертова города они выбрали именно этот.

Они заняли столик у бильярда, шумно сдвигая стулья, матерясь и требуя пива. Среди них был и их капитан — здоровенный рыжий защитник по фамилии Каллахан, и еще пара парней из второго звена. Сначала они меня не заметили. Я сидел в тени, спиной к залу, низко опустив голову над вторым стаканом виски. Я честно собирался допить, бросить двадцатку на стойку и уйти через черный ход. Мне не нужны были проблемы.

Но у судьбы, как известно, своеобразное чувство юмора.

— …да там судьи слепые ублюдки, я тебе говорю! — громкий, слегка заплетающийся голос Каллахана перекрыл гул музыкального автомата. — Этот их тринадцатый номер, Мерсер… Чистое удаление до конца игры за толчок на борт!

— Да ладно тебе, у Мерсера вместо мозгов протеиновый коктейль, — подхватил второй голос под дружный гогот за столиком. — Весь в своего папашу, только без таланта. Если бы папочка не заносил чеки в лигу, этого психа давно бы дисквалифицировали к чертям. Слышали, как его старик в прошлом году отмазал после истории в Бостоне?

Пальцы моей правой руки сжали толстое стекло стакана с такой силой, что побелели суставы. В висках застучал тяжелый, медленный молот.

Спокойно, Коул. Просто встань и выйди.

Я достал из кармана купюру, положил её рядом со стаканом и слез с табурета. Мне оставалось сделать десять шагов до выхода. Всего десять чертовых шагов.

Но когда я проходил мимо бильярдного стола, один из них — крайний нападающий с разбитой губой — поднял глаза от своего бокала и узнал меня.

— Охренеть, — протянул он, расплываясь в кривой, пьяной ухмылке, и толкнул локтем Каллахана. — Смотрите-ка, кто тут. Сам сынок легенды решил почтить нас своим присутствием. Что, Мерсер, приехал извиниться за свой грязный удар?

Я остановился. Медленно повернул голову в их сторону. Пятеро парней, разогретых алкоголем и злостью от проигрыша, против меня одного. В любой другой день я бы просто послал их и вышел на улицу.

Но не сегодня.

— Идите проспитесь, парни, — ровно сказал я, глядя прямо в глаза Каллахану. — Игра закончилась два часа назад. Табло можете посмотреть в интернете, если забыли счет.

Каллахан тяжело поднялся из-за стола. Он был почти одного роста со мной, шире в плечах и явно искал, на ком сорвать злость за проваленный матч.

— Слышь, ты, — он сделал шаг ко мне, дыша перегаром в лицо. — Ты сломал нашему парню два ребра своим хитом со слепой зоны. Думаешь, если твой отец — Ричард Мерсер, тебе всё сойдет с рук? Да ты без его фамилии — пустое место. Обычный цепной пес, которого держат в команде только для того, чтобы пугать первокурсников. Даже твоя покойная мамаша, наверное, в гробу переворачивается, глядя, в какого выродка ты…

Он не договорил.

Красная пелена, опустившаяся на мои глаза, была такой плотной, что свет ламп в баре просто погас. В голове не осталось ни мыслей о драфте, ни предупреждений тренера, ни голоса отца. Остался только чистый, концентрированный рев ярости, когда он посмел упомянуть мою мать.

Мой правый кулак врезался в челюсть Каллахана быстрее, чем кто-либо в баре успел моргнуть.

Хруст кости и брызнувшая изо рта кровь стали спусковым крючком. Каллахан рухнул назад, переворачивая стол с пивными кружками, которые с оглушительным звоном разлетелись по деревянному полу. В ту же секунду на меня бросились двое его дружков.

Я ушел от размашистого бокового удара, перехватил руку нападающего с разбитой губой и с размаху впечатал его лицом в край бильярдного стола. Тут же в мои ребра слева прилетел тяжелый удар — кто-то достал меня сбоку, сбивая дыхание. Я пошатнулся, чувствуя, как треснула ткань футболки на плече, развернулся с локтем и снес второго парня прямо на стойку с киями.

В баре начался хаос. Кто-то заорал, зазвенела разбитая бутылка, бармен перепрыгнул через стойку с бейсбольной битой в руках, крича, что вызывает полицию.

Каллахан, с окровавленным лицом и бешеными глазами, снова пошел на меня, схватив меня за воротник и повалив на пол, усыпанный битым стеклом и залитый пивом. Мы покатились по доскам, обмениваясь глухими, беспощадными ударами. Моя скула взорвалась острой болью, когда его костяшки прошли вскользь по лицу, но в следующую секунду я перевернул его под себя, зафиксировал коленом его грудь и начал бить.

Раз. За то, что тронул мою мать. Два. За то, что я всю жизнь живу под микроскопом своего отца. Три. За то, что мне двадцать один год, а я чувствую себя так, будто тону в ледяной воде с камнем на шее.

Сбитые костяшки моих пальцев стали мокрыми и скользкими от чужой и собственной крови. Меня оттащили только трое здоровых завсегдатаев бара во главе с барменом, буквально оторвав от хрипящего на полу Каллахана и заломив мне руки за спину, когда за окнами уже завыли сирены приближающихся полицейских машин, раскрашивая мокрый от начавшегося ливня асфальт в красно-синие всполохи.

Я тяжело дышал, сплевывая кровь на грязный пол, и смотрел на свои дрожащие от адреналина, разодранные в мясо руки.

Именно в эту секунду, глядя на проблесковые маячки за витриной бара, я еще не знал, что этим ударом я не просто поставил свою карьеру на грань катастрофы. Я только что собственноручно выписал себе билет на встречу с девушкой, чья тишина окажется громче любого моего гнева.

Глава 2. Аврора

У каждого человека свой способ измерять время. Кто-то считает его чашками выпитого за утро эспрессо, кто-то — страницами прочитанных конспектов или звонками будильника.

Я измеряю свое время исписанными блокнотами на металлической спирали и количеством чужих вздохов, которые люди издают за секунду до того, как отвести от меня взгляд.

Сегодня было утро понедельника, а значит — начало шестого блокнота за этот семестр.

Я сидела на холодном, обтянутом потрескавшимся черным кожзамом банкете перед массивным кабинетным роялем «Стейнвей» в репетиционном боксе номер четыре. Это была самая дальняя и самая маленькая каморка в подвальном крыле музыкального факультета. Сюда почти не проникал дневной свет — только бледные, размытые осенней хмарью полосы сквозь узкое окошко под самым потолком, на уровне мокрой от ночного дождя брусчатки кампуса.

В комнате стоял густой, почти осязаемый запах старого лака, сухой древесины, канифоли и многолетней пыли, оседавшей на звукопоглощающих поролоновых панелях, которыми были обшиты стены. Эти серые пирамидки на стенах создавали иллюзию гроба. Они жадно проглатывали любой шорох: скрип моих тяжелых армейских ботинок, шуршание рукавов безразмерного графитового свитера, в котором я буквально тонула, и даже мое собственное дыхание.

Из соседнего бокса за тонкой перегородкой доносились приглушенные, захлебывающиеся гаммы — кто-то из первокурсников отчаянно насиловал виолончель, раз за разом фальшивя на переходе в третью позицию. Раньше я бы просто постучала костяшкой пальца в стену и крикнула: *«Опусти локоть, ты зажимаешь гриф!»*.

Сейчас я просто сильнее вдавила амбушюры огромных студийных наушников в уши, хотя они даже не были ни к чему подключены.

Мои пальцы — длинные, бледные, с коротко остриженными ногтями и вечным темным пятном от графита на среднем пальце правой руки — замерли в сантиметре над клавишами рояля.

Черно-белый ряд слоновой кости смотрел на меня с немым укором. На пюпитре перед моими глазами лежала та самая тетрадь в черной кожаной обложке, края которой покоробились и пошли волнами от высохшей год назад дождевой воды. На правом нижнем углу обложки навсегда осталось бурое, въевшееся в кожу пятно, которое я так и не смогла оттереть ни мылом, ни спиртом. Да и не особо старалась.

Я смотрела на нотный стан, где два почерка — мой, мелкий и аккуратный, и её, размашистый, летящий вверх с забавными завитушками на хвостиках восьмых нот — обрывались ровно посередине такта.

Давай же, Рори. Просто нажми «ля» малой октавы.

Подушечка моего указательного пальца опустилась и коснулась гладкой, ледяной поверхности клавиши. Даже не надавила — просто ощутила холод кости.

И в ту же секунду невидимый стальной трос на моей шее затянулся в мертвую петлю.

В ушах мгновенно взвыла фантомная сирена, а перед внутренним взором вспыхнули два ослепительных белых прожектора, разрезающих ночную пелену ливня. Горло перехватило знакомым, выворачивающим наизнанку спазмом, будто я проглотила горсть битого стекла. Я резко, как от удара током, отдернула руку от клавиатуры, прижимая ладонь к груди, где под ребрами заколотилось обезумевшее сердце.

Нет. Не сегодня. И не завтра. Никогда.

Схватив со стула черную тетрадь, я лихорадочно, дрожащими пальцами запихнула её на самое дно своего холщового рюкзака, туда, где она лежала под грудой учебников по акустике

и теории звуковых волн. Захлопнула тяжелую крышку рояля — глухой деревянный удар эхом отскочил от поролоновых стен — и выскочила из бокса в коридор.

Коридоры корпуса искусств встретили меня привычным утренним гулом. Студенты спешили на первые пары, переговариваясь, смеясь на ходу, позвякивая термокружками и футлярами от флейт и скрипок. Но стоило мне сделать несколько шагов от лестницы, как вокруг меня образовался невидимый вакуум.

Я знала эту хореографию наизусть.

Вот две девушки с вокального отделения — те самые, с которыми мы год назад делили гримерку перед осенним фестивалем, — замечают мою фигуру в сером свитере. Смех на их губах мгновенно гаснет, словно кто-то выдернул вилку из розетки. Их взгляды становятся стеклян бегающими, полными той самой липкой, тошнотворной смеси вины и болезненного любопытства, которой провожают калек или родственников на похоронах. Они синхронно понижают голос до шепота и прижимаются к стене, уступая мне дорогу, будто немота передается воздушно-капельным путем.

«Смотри, это Винсли… Та самая… Говорят, она до сих пор сидит на антидепрессантах и не может выдавить ни звука… Какая трагедия, у неё же было сопрано на три октавы…»

Мне не нужно было слышать их шепот, чтобы читать по губам. За триста семьдесят два дня я стала чертовым экспертом по чтению чужих лиц.

Я натянула капюшон поверх распущенных каштановых волос, опустила подбородок к груди и ускорила шаг, глядя исключительно на носки своих ботинок, отбивающих беззвучный ритм по стертому паркету. Мой взгляд был прикован к телефону в руке: в девять утра меня ждал декан Хоторн. И тон его вчерашнего электронного письма не предвещал ничего хорошего.

Приемная декана пахла дорогим молотым кофе, средством для полировки красного дерева и бюрократическим величием. Секретарша миссис Гейбл, женщина с идеальной седой укладкой и взглядом тюремного надзирателя, при моем появлении мгновенно сменила суровое выражение лица на скорбно-приторную маску, от которой у меня свело скулы.

— О, мисс Винсли, дорогая, проходите, — она заговорила со мной громко и медленно, тщательно артикулируя каждое слово, как это почему-то делают почти все люди, забывая, что я потеряла голос, а не слух или рассудок. — Артур уже ждет вас.

Я коротко кивнула, даже не пытаясь выдавить вежливую улыбку, и толкнула высокую двустворчатую дверь кабинета.

Кабинет декана Хоторна был огромным, с высокими стрельчатыми окнами, выходящими на главную аллею кампуса, где ветер безжалостно срывал с кленов мокрую багряную листву. Сам Хоторн — мужчина лет пятидесяти пяти в твидовом пиджаке и с аккуратно подстриженной бородкой — стоял у окна, заложив руки за спину. На его массивном дубовом столе, среди стопок бумаг и партитур, лежала знакомая мне синяя папка с моим личным делом и бланками заявок на весеннюю стажировку в Чикагской студии звукозаписи «Эхо-Рекордс».

Мое единственное спасение. Мой билет из этого города, где каждый перекресток и каждый дождливый вечер пытались меня убить.

— Садитесь, Аврора, — Хоторн развернулся и указал на глубокое кожаное кресло перед столом. Сам он опустился в свое кресло, сцепил пальцы в замок и посмотрел на меня поверх очков в тонкой золотой оправе. — Как вы себя чувствуете? Как продвигается ваша работа с доктором Лэнсом?

Я молча достала из кармана свитера свой блокнот на спирали, щелкнула кнопкой черной гелевой ручки и, быстро начертив три слова размашистым, острым почерком, развернула страницу к нему.

«Стабильно. Что со стажировкой?»

Хоторн тяжело вздохнул, снимая очки и потирая переносицу. Мне совсем не понравился этот жест.

— Вы же знаете, Аврора, как высоко я ценю ваш талант, — начал он тем самым мягким, обволакивающим тоном, которым преподаватели обычно сообщают, что ты провалил экзамен. — Когда после… прошлогодних событий вы перевелись с вокального отделения на кафедру акустики и звукорежиссуры, я пошел вам навстречу. И ваши оценки безупречны. У вас абсолютный слух и феноменальное понимание физики звука. Но стажировка в Чикаго предполагает работу в команде. Работу с живыми музыкантами, продюсерами, сложными клиентами. Совет директоров студии сомневается, что студент с вашим… коммуникативным барьером справится со стрессовой нагрузкой.

В груди что-то холодно и больно оборвалось. Пальцы так сильно сжали пластиковый корпус ручки, что он жалобно хрустнул.

Я перевернула страницу и застрочила с такой скоростью и нажимом, что перо едва не прорывало бумагу насквозь. Вырвала листок и с сухим шелестом положила его прямо поверх синей папки на его столе.

«Я слышу фальшь в сведении дорожек лучше любого на этом потоке. Для того чтобы сидеть за микшерным пультом и резать частоты, мне не нужно петь серенады клиентам. Вы обещали мне рекомендацию, декан Хоторн».

Декан прочитал записку, поморщился от моей прямолинейности, но листок не отодвинул. Вместо этого он откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на меня.

— Я дам вам эту рекомендацию, Аврора. Лично позвоню главе чикагского департамента и поручусь за вас своей репутацией. Но у меня есть одно встречное условие. Мне нужно убедиться, что вы способны работать со сложными, непредсказуемыми людьми и доводить дело до результата, несмотря на свой недуг. И так совпало, что сегодня в семь утра мне позвонил тренер Дженкинс из спортивного департамента.

Я медленно подняла одну бровь. При чем тут, черт возьми, спортивный департамент?

— Вы когда-нибудь слышали имя Коула Мерсера? — спросил Хоторн.

Я едва заметно качнула головой из стороны в сторону. Я жила в своем звуконепроницаемом пузыре и понятия не имела, кто забивает шайбы или забрасывает мячи за наш университет. Сектор спортсменов на кампусе я обходила за милю — от них всегда было слишком много шума, тестостерона и пустого бахвальства.

— Что ж, возможно, это даже к лучшему, — сухо заметил декан. — Мистер Мерсер — гордость и одновременно главная головная боль нашей хоккейной сборной. По какой-то необъяснимой иронии судьбы в начале семестра этот молодой человек выбрал ваш спецкурс «Теория музыки и архитектурная акустика» в качестве свободного факультатива. Вероятно, он решил, что там нужно будет просто слушать классику и хлопать в ладоши. Разумеется, он завалил все сентябрьские коллоквиумы. А вчера ночью мистер Мерсер умудрился попасть в крайне неприятный инцидент за пределами кампуса.

Хоторн подался вперед, опираясь локтями о стол.

— По правилам университетской лиги, если к началу ноября его средний балл по всем предметам, включая факультативы, будет ниже «B», а также если он не отработает пятьдесят часов в центре студенческой адаптации, спортивный комитет отстранит его от игр до конца сезона. Для университета это потеря миллионов долларов спонсорских контрактов. Для самого Мерсера — крах карьеры. Тренеру нужен лучший репетитор по акустике и куратор в центре, который в кратчайшие сроки вложит знания в эту горячую голову и подпишет его табель отработки. И этим человеком будете вы, Аврора.

Я смотрела на декана так, будто у него прямо посреди лба выросла вторая голова.

Он хочет, чтобы я — девушка, которая не может произнести вслух даже собственное имя и шарахается от громких звуков, — занималась индивидуально с каким-то отбитым хоккеистом, которого только что вытащили из полицейского участка?

Я схватила блокнот, размашисто написала одно-единственное слово огромными печатными буквами и ткнула им в воздух перед лицом Хоторна:

«НЕТ».

— Боюсь, это не просьба, мисс Винсли, — голос декана мгновенно потерял всякую отеческую мягкость, став холодным и твердым, как гранит. Он положил свою ладонь поверх синей папки со стажировкой. — В списке претендентов на место в Чикаго еще двенадцать человек с вашего курса. И все они прекрасно разговаривают. Вы вытягиваете Мерсера на твердую «В» к ноябрьской аттестации и контролируете его волонтерские часы в центре — я подписываю ваше направление в «Эхо-Рекордс» в тот же день. Выбор за вами.

Несколько долгих секунд в кабинете стояла абсолютная тишина, нарушаемая только мерным, издевательским тиканьем напольных часов в углу.

Я смотрела на папку под его рукой. Чикаго. Новая жизнь. Студия, где никто не знает ни меня, ни Хлою, ни того, что случилось на шоссе номер девять год назад. Место, где я смогу дышать, не захлебываясь чужой жалостью каждую минуту.

И ради этого мне нужно всего лишь потерпеть несколько недель какого-то тупоголового громилу с клюшкой, которому нужно разжевать законы распространения звуковых волн и формулу реверберации Сабина.

Я медленно опустила блокнот. Внутри меня закипала холодная, злая решимость. Если этот хоккеист думает, что получит от меня халявный зачет и подпись в ведомости просто за красивые глаза и спортивные заслуги, его ждет очень жесткое приземление.

Черкнув в блокноте новую строчку, я вырвала лист, положила его на стол и поднялась с кресла, закидывая лямку рюкзака на плечо.

«Сегодня в 16:00. Читальный зал научной библиотеки, третий этаж, стол 14. Если он опоздает хотя бы на пять минут — я аннулирую сделку».

— Я передам это тренеру Дженкинсу, — с едва заметной победной улыбкой кивнул Хоторн. — Удачи, Аврора. Говорят, у мистера Мерсера весьма… тяжелый характер.

Я стояла уже у самой двери, держась за латунную ручку. Обернулась через плечо, посмотрела прямо в глаза декану и беззвучно, одними губами, так четко, чтобы он не мог ошибиться ни в одной букве, произнесла:

«У меня хуже».

И вышла в коридор, еще не подозревая, что ровно в четыре часа дня мой идеально выстроенный, стерильный мир безмолвия треснет по швам.

Глава 3. Коул

Если бы у человеческого разочарования был запах, оно бы пахло точно так же, как кабинет тренера Дженкинса в восемь часов пятнадцать минут утра: пережаренным черным кофе из дешевой капельной кофеварки, мазью «Бенгей» для растянутых связок и сырой резиной от хоккейных баулов.

Я сидел на жестком металлическом стуле посреди этой тесной бетонной коробки без окон, зажатой между главной раздевалкой и комнатой для заточки коньков. Стены здесь были увешаны выцветшими фотографиями чемпионских составов прошлых десятилетий, тактическими досками с полустертыми красными маркерами схемами раскатки и пожелтевшими вырезками из спортивных газет.

Каждая кость в моем теле выла на своей собственной, уникальной частоте.

В левой скуле, прямо под глазом, где вчера приземлился перстень одного из дружков Каллахана, мерно, в такт пульсу, стучал раскаленный гвоздь. Кожа там натянулась, наливаясь темно-лиловым с желтизной отеком, из-за которого левый глаз открывался лишь наполовину. Нижняя губа треснула сбоку, и во рту стоял противный, сладковато-медный привкус запекшейся крови, перемешанный с горечью вчерашнего бурбона. Но хуже всего приходилось правой руке. Костяшки пальцев были сбиты в сплошное багровое месиво; при каждом малейшем движении подсохшая корка трескалась, пуская тонкие сукровичные ручейки по смуглой коже и затекающим чернилам татуировки на запястье.

Четыре часа в обезьяннике третьего городского участка на холодном пластиковом сиденье в компании пьяного бродяги и двух малолетних угонщиков определенно не пошли на пользу моему восстановлению после матча.

Дверь кабинета распахнулась с такой силой, что ручка со звонким лязгом впечаталась в бетонную стену, осыпав крошку штукатурки на серый линолеум.

Тренер Мартин Дженкинс вошел внутрь, как ледокол в арктические воды. Ему было под шестьдесят, у него была шея бывшего борца, седой ежик волос и лицо, изрезанное глубокими морщинами и старыми хоккейными шрамами, будто его вытесали тупым топором из куска мореного дуба. В правой руке он сжимал стопку распечатанных листов, а левой на ходу захлопнул дверь так, что стекла в шкафу с кубками жалобно зазвенели.

Он не сел за свой заваленный шайбами и блокнотами стол. Вместо этого он подошел вплотную ко мне, нависая всей своей массивной фигурой в черно-серебряном спортивном костюме «Титанов», и с размаху швырнул бумаги мне на колени.

Листы разлетелись. Верхним лег полицейский протокол с печатью управления и зернистой черно-белой распечаткой с камеры видеонаблюдения бара «Ржавый якорь», где было отлично видно, как я впечатываю нападающего «Сент-Джуда» лицом в сукно бильярдного стола.

— Скажи мне, Мерсер, — голос Дженкинса был обманчиво тихим, но от этого низкого, вибрирующего рыка у первокурсников обычно подгибались колени, — в какой именно момент вчерашнего вечера твои мозги окончательно вытекли через уши на лед? Во втором периоде или когда ты садился за руль своего чертова грузовика?!

Я медленно поднял взгляд, встречаясь с его бешеными, налитыми кровью глазами. Не отвел головы, не опустил плеч. Привычная защитная реакция — превратиться в кусок гранита, от которого отскакивают любые удары.

— Они первые начали, тренер, — хрипло произнес я. Голос после бессонной ночи и криков в баре звучал так, будто я полоскал горло гравием.

— Мне плевать, кто первый начал! — рявкнул Дженкинс так, что у меня в висках взорвалась сверхновая звезда. Он уперся кулаками в край своего стола и навис надо мной еще ниже, обдавая запахом мятных леденцов и чистого бешенства. — Хоть сам Папа Римский! Ты — ведущий защитник первого звена дивизиона NCAA! На твою задницу вчера смотрели четыре скаута из Восточной конференции! А в два часа ночи мне звонит начальник полиции округа, с которым я, слава Господу, учился в одной школе, и спрашивает, какого дьявола мой тринадцатый номер в одиночку разносит пивнуху на окраине и укладывает троих игроков гостевой команды в травмпункт!

Я молчал, глядя на стену за его плечом. На фотографии 1994 года молодой Ричард Мерсер с капитанской нашивкой «C» на груди поднимал над головой кубок студенческой лиги, ослепительно улыбаясь в камеру. Даже здесь, в этой бетонной коробке, мой старик умудрялся смотреть на меня сверху вниз.

— Ты хоть понимаешь, чего мне стоило замять это до того, как рапорт ушел в прессу и дисциплинарный комитет лиги?! — Дженкинс начал мерить шагами узкое пространство кабинета, от стены до стены, как тигр в клетке. — Тренер «Сент-Джуда» не стал подавать официальную жалобу только потому, что его собственные идиоты были пьяны в стельку и нарушили комендантский час перед отъездом автобуса! А хозяин бара согласился на чек от нашего попечительского совета за разбитую мебель!

Я перевел взгляд на тренера, и внутри меня шевельнулось холодное, тошнотворное предчувствие.

— Вы звонили моему отцу?

Дженкинс резко остановился, повернул голову и посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом, в котором сквозь ярость вдруг проступило что-то похожее на мрачное понимание. Он знал моего отца двадцать лет. Он прекрасно знал, что бывает после таких звонков.

— Нет, Коул, — жестко отрезал он. — Твоему отцу я не звонил. Потому что если бы Ричард узнал об этом сегодня утром, к обеду ты бы уже летел чартером в Бостон с волчьим билетом, а твоя клюшка горела бы на заднем дворе. Эту кашу заварил ты, и расхлебывать её будешь ты сам. Без папочкиных связей и его чековой книжки. Понял меня?

В груди чуть отпустило, но ненадолго. Я кивнул, смаргивая липкую испарину со лба.

— Что решил ректорат? Сколько игр я пропускаю?

— Нисколько, — Дженкинс обошел стол и тяжело рухнул в свое скрипучее кожаное кресло, закидывая ногу на ногу. — Если бы это зависело только от меня, ты бы полировал задницей скамейку запасных до самого Рождества и драил душевые зубной щеткой после каждой тренировки. Но у нас на носу серия с «Северным Мичиганом», а без тебя в обороне наша синяя линия превращается в проходной двор. Однако декан по работе со студентами и глава спорткомитета выдвинули ультиматум. Три пункта, Мерсер. Оступишься хотя бы в одном — и я лично сдам твою форму в утиль, а о драфте НХЛ будешь читать в журналах.

Я скрестил руки на груди, игнорируя вспышку боли в правом плече и ребрах.

— Говорите.

— Пункт первый, — Дженкинс загнул толстый, кривой от старых переломов палец. — Два раза в неделю, по вторникам и четвергам, ты ходишь на принудительную терапию по управлению гневом к доктору Вэнсу в медицинский корпус. И если он напишет мне в отчете, что ты сидишь там молча и строишь из себя несокрушимого терминатора, ты вылетаешь.

Я сжал зубы так, что желваки на скулах заходили ходуном. Психолог. Чертов мозгоправ, который будет копаться в моей голове. Прекрасно.

— Пункт второй, — второй палец. — Пятьдесят часов общественных работ в университетском Центре адаптации и помощи студентам с ограниченными возможностями до первого декабря. Будешь таскать коробки, настраивать аппаратуру, возить коляски и улыбаться так, будто ты чертов бойскаут, продающий печенье.

— У меня две тренировки в день и тренажерный зал, тренер. Когда я, по-вашему…

— Вместо вечеринок и походов по барам, Мерсер! — отрезал он, ударив ладонью по столу. — И пункт третий. Самый интересный. Сегодня утром я заглянул в твою академическую ведомость за сентябрь и октябрь. Какого хрена, скажи мне на милость, у тебя стоит текущий балл «F» по факультативу «Теория музыки и архитектурная акустика»?!

Я поморщился, отводя взгляд к стене с тактическими схемами.

— В сентябре, когда нужно было закрыть кредиты по гуманитарному блоку, Броди сказал, что на музыкальном факультете ставят автоматы за посещаемость. Я перепутал код предмета в электронной системе. Думал, это «История современной поп-музыки», а оказалась какая-то инженерная хрень с логарифмами, децибелами и чертежами концертных залов. Преподаватель там — старый маразматик, который валит всех, кто не умеет читать с листа.

Дженкинс посмотрел на меня так, словно искренне жалел, что закон запрещает бить студентов клюшкой по голове.

— Мне плевать, хоть это квантовая физика балета! — процедил он сквозь зубы. — Первого ноября закрывается промежуточная аттестация для спортсменов. По уставу лиги со средним баллом ниже «B» тебя автоматически блокируют в заявке на матчи. Я полчаса назад унижался по телефону перед деканом Хоторном с факультета искусств. Он выделил тебе лучшего студента старшего курса в качестве личного репетитора и куратора в центре адаптации. Один человек на две твои проблемы.

Тренер потянулся к краю стола, взял оттуда маленький прямоугольный листок плотной бумаги, сложенный пополам, и протянул его мне, зажав между двумя пальцами.

— Ты будешь ходить на занятия к этому репетитору как по расписанию на раскатку. Ты выучишь эту чертову акустику наизусть, сдашь зачет и принесешь мне подписанный этим куратором табель на пятьдесят волонтерских часов. Если оттуда поступит хотя бы одна жалоба на твой тон, опоздание или кривую рожу — ты труп, Коул. Мы поняли друг друга?

Я взял листок. Бумага была гладкой, вырванной из блокнота на мелкой перфорации, и от неё еле уловимо, почти призрачно пахло чем-то странным — не дешевой типографской краской из канцелярского магазина, а сухим деревом, старой бумагой и легкой, горьковатой нотой полыни или дождя.

Развернув записку, я пробежал глазами по строчкам. Почерк был совершенно не похож на округлые, аккуратные буковки большинства девчонок с гуманитарных факультетов. Буквы были узкими, острыми, с резким наклоном вправо и таким сильным нажимом гелевой ручки, что с обратной стороны листа пальцами ощущался рельеф каждой линии. Как будто тот, кто это писал, хотел не просто оставить сообщение, а полоснуть меня этим текстом по горлу.

«Сегодня в 16:00. Читальный зал научной библиотеки, третий этаж, стол 14. Если он опоздает хотя бы на пять минут — я аннулирую сделку. А. Винсли».

Я перечитал последнюю фразу дважды.

*«Если он опоздает…»*Даже не обратилась ко мне напрямую. Написала обо мне в третьем лице, как о нашкодившем щенке, которого передают на дрессировку. И ни слова о том, кто она такая, кроме сухого инициала «А».

Внутри меня, поверх утреннего похмелья, боли в ребрах и унижения от разноса тренера, медленно поднялась глухая, темная волна раздражения. Какая-то заучка с музыкального факультета, получившая кроху власти над игроком основы, решила поиграть в жесткого босса и поставить меня на счетчик времени.

Я сжал записку в кулаке, сминаемая бумага сухо хрустнула в моей исцарапанной ладони, и сунул её в карман джинсов.

— Всё ясно, тренер, — я поднялся со стула во весь свой рост, расправляя гудящие плечи. — Я могу идти на лед?

— Иди в раздевалку, заклей свою красивую морду пластырем и через десять минут чтобы был на синей линии, — буркнул Дженкинс, уже утыкаясь в свои бумаги. — И, Мерсер… Сегодня я буду гонять вас челночным бегом до тех пор, пока из тебя не выйдет весь вчерашний виски. Свободен.

Следующие три часа превратились в персональное чистилище.

Дженкинс сдержал слово. После основной тренировки с шайбой он заставил всё первое звено бегать «суициды» от лицевого борта до синей линии, красной линии, дальней синей и обратно в полной амуниции без перерыва на воду. К концу часа лед под нашими ногами плавился от капающего сквозь решетки и визоры пота, легкие рвались на куски, а ноги в коньках налились жидким свинцом.

Броди и Мэтт проклинали меня на чем свет стоит, падая на колени у бортика и отхаркивая слюну на лед, но в душевой после тренировки никто не сказал мне ни слова упрека. В этом прелесть хоккейного братства: мы могли ненавидеть друг друга на льду во время штрафных кругов, но за пределами площадки своих не сдавали.

— Слышал, тебе дали репетитора с факультета искусств? — Мэтт, стоя под соседней лейкой душа и смывая мыльную пену с широких плеч, повернул ко мне голову и ухмыльнулся. — Кто это? Надеюсь, какой-нибудь бородатый фрик с тубой, чтобы тебе жизнь медом не казалась за сегодняшние круги.

Я стоял под струями почти обжигающе горячей воды, упершись обеими ладонями в мокрый белый кафель стены и опустив голову так, чтобы вода стекала по затылку и разбитым костяшкам пальцев. Горячий пар щипал свежую ссадину на скуле и рассеченную губу, но постепенно размягчал забитые в камень мышцы спины.

— Какая-то А. Винсли, — глухо ответил я сквозь шум воды. — Написала, что если опоздаю на пять минут в библиотеку, она сольет мою аттестацию.

Шум воды из соседней кабинки внезапно стих. Мэтт закрутил вентиль и переглянулся с Броди, который в этот момент вытирался полотенцем у скамейки. На лицах обоих мгновенно исчезло всё зубоскальство, сменившись каким-то странным, настороженным выражением.

Я выключил воду, провел ладонью по лицу, сгоняя капли, и нахмурился, глядя на парней.

— Что?

— Винсли? — переспросил Броди, медленно опуская полотенце на плечи. — Аврора Винсли?

— Понятия не имею, как её зовут. Там стояла только буква «А». А что с ней не так?

Броди тяжело вздохнул, садясь на деревянную лавку и начиная расшнуровывать суппорт на больном колене.

— Чувак, ты что, в танке жил весь прошлый год? — тихо сказал Мэтт, обматывая бедра полотенцем. — Хотя да, у тебя же тогда как раз умерла мама, и ты две недели вообще в кампусе не появлялся… Короче, в октябре прошлого года две девчонки со второго курса вокального отделения возвращались ночью с концерта в городе. Шел дикий ливень. На перекрестке у девятого шоссе в них на полном ходу влетела фура, у которой отказали тормоза.

В раздевалке стало тихо, только где-то в углу мерно капала вода из плохо закрученного крана.

— И? — спросил я, уже понимая, чем заканчиваются такие истории.

— Та, что была на пассажирском — Хлоя Миллер, её лучшая подруга и напарница по дуэту, — погибла на месте до приезда скорой, — продолжил Броди, глядя в пол. — А Винсли выжила. Пару сломанных ребер, сотрясение, пара шрамов от стекла… Физически её собрали быстро. Но когда она очнулась в больнице, выяснилось, что она потеряла голос. Вообще.

Я замер с полотенцем в руках.

— В смысле — потеряла? Ей повредило горло при ударе?

— В том-то и жесть, что нет, — покачал головой Мэтт. — Моя бывшая с медицинского рассказывала, что у неё связки абсолютно целые. Психологический блок, посттравматический синдром или типа того. Она перестала разговаривать в ту ночь и с тех пор за целый год не произнесла ни единого звука. Ни слова, ни шепота. Бросила пение, перевелась на какую-то техническую кафедру к звукорежиссерам и ходит по кампусу как тень в огромных свитерах и наушниках. Парни с её потока называют её «Призраком».

— Так что полегче с ней там в библиотеке, Жнец, — серьезно добавил Броди, поднимая на меня взгляд. — Ты со своей габаритной рамой и разбитым в мясо лицом после вчерашнего выглядишь как ночной кошмар любого нормального человека. Не хватало еще, чтобы ты довел девчонку до нервного срыва в первый же день.

Я ничего не ответил, молча отвернувшись к своему шкафчику.

Аврора Винсли. Немая девушка, потерявшая лучшую подругу в ночной аварии.

Я натянул через голову чистую черную футболку с длинным рукавом, поверх накинул тяжелый темно-серый бомбер, закинул спортивную сумку на плечо и вышел из ледового дворца на улицу.

Октябрьский день к четырем часам уже начинал выцветать, наливаясь холодными свинцовыми сумерками. Небо висело так низко, что, казалось, цеплялось брюхом за готические шпили главной научной библиотеки на противоположном конце кампуса. Сырой ветер гнал по мокрому асфальту почерневшие листья и обрывки афиш вчерашнего матча с моей собственной фотографией.

Я шел широким, быстрым шагом, засунув руки в карманы бомбера, где пальцы правой ладони всё еще сжимали смятый клочок бумаги с острым, колючим почерком.

Странное дело. Всю дорогу от кабинета тренера до раздевалки я рисовал в голове образ высокомерной, писклявой стервы-отличницы, которая будет смотреть на меня сквозь очки, цокать языком и читать мне нотации о том, как тупые спортсмены позорят честь университета. Я уже заготовил десяток циничных фраз, чтобы сбить с неё спесь за первые две минуты.

Но теперь картинка в моей голове рассыпалась, не желая складываться заново.

Девушка, которая год живет в абсолютной тишине. Девушка, которую называют Призраком и на которую весь кампус наверняка пялится с жалостью, но которая при этом имеет стальные яйца, чтобы написать мне ультиматум с угрозой аннулировать сделку за пятиминутное опоздание.

Я толкнул массивную дубовую дверь библиотеки и вошел в гулкий, пропахший вековой пылью и старой бумагой вестибюль. Поднялся через две ступеньки по широкой мраморной лестнице на третий этаж, где под высокими сводчатыми потолками и зелеными стеклянными лампами в гробовой тишине сидели десятки студентов.

Я посмотрел на экран телефона. 16:04.

Одна минута до того, как истечет её ультиматум.

Мой взгляд скользнул по длинным рядам дубовых столов, уходящих в полумрак у высоких стрельчатых окон, за которыми уже начинал накрапывать мелкий, холодный дождь. Стол 10, 12…

И наконец — стол 14 в самом дальнем, отрезанном книжными стеллажами углу зала.

За ним, спиной к проходу и вполоборота к серому дождливому окну, сидела она.

Огромный графитовый свитер крупной вязки сползал с одного её хрупкого плеча, открывая острую линию ключицы и тонкую, почти фарфоровую шею. Густые каштановые волосы были небрежно собраны на затылке в пучок и проткнуты простым деревянным карандашом, а несколько прядей выбились и падали на бледную щеку. Перед ней на полированном дереве стола в идеальном, почти военном порядке лежали стопка учебников, открытый блокнот на спирали и пачка желтых стикеров.

Когда тяжелая подошва моих ботинок чуть слышно скрипнула по паркету за её спиной, она не вздрогнула. Только её тонкие пальцы, сжимавшие черную гелевую ручку, на долю секунды замерли над бумагой.

Она медленно повернула голову и подняла на меня взгляд.

И в ту же секунду весь заготовленный мной сарказм застрял где-то поперек горла. Потому что в огромных, обрамленных густыми темными ресницами глазах цвета штормового моря не было ни испуга от моей разбитой физиономии, ни растерянности, ни слабости, которую я ожидал увидеть у местной жертвы трагедии.

Там был чистый, обжигающий лед и тихий вызов, от которого у меня под ребрами внезапно и совершенно неуместно пропустило удар сердце.

Глава 4. Аврора

В научной библиотеке в четыре часа дня воздух всегда имел особую, почти музейную плотность. Здесь пахло пересохшим корешковым клеем, пожелтевшей целлюлозой вековых фолиантов, старым воском для натирания дубового паркета и тем специфическим, чуть сладковатым ароматом тлена, который источают тысячи прочитанных чужими глазами страниц.

Я любила это место по одной простой причине: здесь моя немота была законом для всех.

Под этими высокими неоготическими сводами, где в зеленоватом полумраке настольных ламп студенты шелестели конспектами, никто не ждал от меня светской беседы. Здесь все были добровольными узниками тишины.

Я сидела за четырнадцатым столом в самом дальнем алькове третьего этажа, отгороженном от основного зала двумя исполинскими стеллажами со справочниками по архитектуре девятнадцатого века. Слева от меня тянулось узкое стрельчатое окно в свинцовом переплете. По ту сторону мутного стекла октябрьское небо окончательно прорвало: тяжелые, маслянистые капли дождя чертили по стеклу косые диагонали, размывая багряные кроны кленов на аллее в сплошное ржавое пятно.

На экране моего телефона, лежащего справа от раскрытого учебника «Физика звука и проектирование акустических пространств», бесшумно сменились цифры.

16:03.

Оставалось ровно две минуты до того момента, как я с чистой совестью закрою книгу, сложу пенал в рюкзак и отправлюсь обратно к декану Хоторну с официальным отказом по причине неявки студента. Честно говоря, я отчаянно, до дрожи в кончиках пальцев надеялась именно на этот исход. Мне не нужен был этот хоккеист. Мне не нужно было вторжение чужого, шумного, агрессивного мира в мою выверенную до миллиметра зону безопасности.

Я поправила сползший с плеча край объемного графитового свитера и снова опустила взгляд на страницу с графиками затухания низких частот.

И в этот момент пространство вокруг меня изменилось.

Сначала я не услышала шагов — толстый ковровый настил в центральном проходе поглотил звук его приближения. Я почувствовала его спиной. Знаете это первобытное ощущение, когда в тихом осеннем лесу внезапно замолкают птицы, потому что в кустах затаился крупный хищник? Воздух в узком алькове между стеллажами вдруг стал тесным, наэлектризованным и холодным.

Скрипнула паркетная доска у самого края ковра. Тяжело. Весомо.

Следом за этим звуком в стерильный библиотечный запах старой бумаги и пыли ворвалось нечто совершенно чужеродное: резкий, свежий аромат уличного озона, мокрой после дождя ткани, мятного геля для душа и какого-то терпкого, древесно-пряного одеколона, от которого в носу мгновенно защипало.

Мои пальцы, сжимавшие черную гелевую ручку, непроизвольно замерли в миллиметре от желтого стикера.

Я медленно, преодолевая странное сопротивление собственного позвоночника, повернула голову и подняла глаза вверх.

И мне пришлось задрать подбородок гораздо выше, чем я рассчитывала.

Коул Мерсер не просто стоял у края моего стола — он заслонял собой свет верхней люстры, отбрасывая на мои учебники длинную, широкую тень. Он был огромным. В жизни я видела спортсменов только издалека, через газон кампуса, но вблизи, в замкнутом пространстве между книжными полками, его габариты казались почти пугающими. Широченные плечи, обтянутые тяжелым темно-серым бомбером, мощная шея, уходящая в ворот черного

лонгслива, и узкие бедра в темных потертых джинсах. От всей его фигуры веяло такой плотной, сдерживаемой физической силой, будто рядом со столом поставили заведенный двигатель внутреннего сгорания.

Но больше всего меня поразило его лицо.

Темные, еще влажные на концах волосы беспорядочно падали на лоб. Резкие, почти хищные скулы, тяжелая линия челюсти, покрытая двухдневной темной щетиной, и губы — четко очерченные, но сейчас разбитые в правом уголке в запекшуюся багровую трещину. А на левой скуле, прямо под глазом, расплывался свежий, пугающе яркий синяк, переходящий от темно-фиолетового к болезненно-желтому.

Он выглядел не как студент престижного университета. Он выглядел как боец подпольного клуба, который только что вышел с ринга, отряхнул чужую кровь с кулаков и по ошибке забрел в храм науки.

Его глаза — пронзительные, холодные, цвета предгрозового неба над зимним океаном — встретились с моими.

На долю секунды в его взгляде мелькнуло что-то странное. Оцепенение? Удивление? Он смотрел на меня сверху вниз, чуть приоткрыв разбитые губы, словно ожидал увидеть за этим столом кого угодно, только не меня. Его зрачки скользнули по моему лицу, задержались на секунду на открытой ключице, на карандаше в моих волосах, а затем вернулись к моим глазам.

Я ждала.

Сжавшись внутри в тугую стальную пружину, я ждала той самой реакции, которую видела сотни раз за последний год. Сейчас до него дойдет, *кто* перед ним. Сейчас его взгляд смягчится, брови сойдутся к переносице в сочувственном домике, и он выдавит из себя какое-нибудь неловкое, осторожное «привет», боясь дышать слишком громко рядом с местной убогой.

Но ничего подобного не произошло.

Взгляд Коула Мерсера не смягчился ни на микрон. Наоборот — свинцовая серость его радужки потемнела, став похожей на мокрый асфальт, а здоровый уголок губ едва заметно дернулся вверх в ленивой, опасной полуулыбке. Он смотрел на меня без тени жалости. Он смотрел на меня как на противника, вышедшего против него на точку вбрасывания.

— Четыре часа четыре минуты, — его голос нарушил тишину алькова. Низкий, глубокий, с ощутимой хрипотцой, будто он вчера весь вечер кричал на морозе. Этот баритон буквально прошелся вибрацией по деревянной столешнице и отдался где-то в районе моих ребер. — Я уложился в твой норматив, Винсли. Или у тебя часы спешат?

Он не спросил разрешения сесть. Просто сбросил тяжелую спортивную сумку с плеча — она глухо бухнула об пол у ножки стола, — отодвинул массивный дубовый стул напротив меня и опустился на него, широко расставив длинные ноги под столом. Его колено в темной джинсе случайно коснулось моей голени. Я мгновенно, почти рефлекторно поджала ноги под свой стул, увеличивая дистанцию.

Он заметил этот маневр. И его ухмылка стала чуть шире.

Коул положил руки на стол, сцепляя пальцы в замок. Мой взгляд невольно упал на его кисти. Крупные ладони с длинными пальцами и выступающими венами на тыльной стороне; из-под черного манжета лонгслива на левом запястье выглядывал край сложной черной татуировки — какие-то переплетенные линии, похожие на сухие ветви или шипы. А костяшки его правой руки были сбиты в сплошную темно-красную корку, местами сочившуюся свежей сукровицей.

Я медленно перевела взгляд с его разбитых кулаков обратно на его лицо, затем демонстративно посмотрела на экран своего телефона (16:05) и опустила глаза к пачке желтых стикеров.

Щелчок кнопки моей гелевой ручки прозвучал в тишине как взведенный курок пистолета.

Я быстро, не поднимая головы, вывела на желтом квадратике несколько строчек своим острым, угловатым почерком, оторвала листок с легким треском клейкой ленты и, прижав его подушечками двух пальцев к лакированному дереву, плавно проскользила им через стол прямо к его сбитым кулакам.

Коул опустил глаза на стикер.

«Опоздал на четыре минуты, Мерсер. Если ты так же медленно соображаешь на льду, удивительно, как тебе еще не проломили голову. Хотя, судя по твоему лицу, кто-то вчера очень старался».

Я наблюдала за ним из-под опущенных ресниц, ожидая вспышки гнева. Декан говорил, что у него взрывной темперамент, а парни его комплекции и статуса обычно не терпят, когда им тычут в лицо их уязвимостью.

Но Коул вдруг коротко, беззвучно выдохнул носом — это был почти смешок. Он поднял свой тяжелый взгляд от бумажки прямо в мои глаза, отделил стикер от стола и с невозмутимым видом приклеил его на обложку своей девственно чистой, явно купленной пять минут назад в киоске тетради.

— Хороший хук справа, Птичка, — негромко произнес он, откидываясь на спинку стула и скрещивая мощные руки на груди. Ткань лонгслива натянулась на бицепсах. — Но если хочешь вывести меня из себя, придется бить сильнее. Выложишь правила сразу или будем обмениваться любезностями до закрытия библиотеки?

Птичка.

От этого прозвища, брошенного его низким, бархатно-хриплым голосом, у меня вдоль позвоночника пробежала странная, колючая волна мурашек. В этом слове была чудовищная, непреднамеренная ирония, о которой он даже не догадывался. Певчая птица с перерезанным горлом.

Я сузила глаза, стараясь, чтобы мой взгляд выражал максимум презрения, на которое я была способна, и придвинула к себе свой основной блокнот на спирали. Стикеры были слишком малы для того, что я собиралась ему высказать.

Ручка залетала по бумаге. Я писала быстро, резко, почти вдавливая перо в линованный лист. Закончив, я развернула блокнот к нему и постучала ногтем указательного пальца по первому пункту.

«Правила простые:1. Мы занимаемся три раза в неделю: понедельник, среда, пятница с 16:00 до 17:30 здесь. Опоздание больше чем на три минуты — я ухожу, а ты получаешь неявку в рапорт декана.2. Сразу после этого, с 17:30 до 19:30, ты отрабатываешь свои часы в Центре адаптации в соседнем корпусе. Я твой куратор. Будешь отлынивать — я не подпишу табель.3. На время занятий твой телефон выключен. Меня не волнуют твои тренировки, фанатки, друзья или похмелье.4. Не задавай мне личных вопросов. Мы здесь не для того, чтобы дружить. Мне нужна моя рекомендация, тебе — твой допуск к играм. Сдашь ноябрьский зачет на "B" — и мы забудем о существовании друг друга».

Коул читал медленно. Я видела, как двигаются его глаза под густыми темными бровями, как напрягается мускул на его скуле чуть ниже лилового кровоподтека. Вблизи он казался еще более опасным и непредсказуемым, чем издалека. От него исходило физическое тепло — жар разгоряченного после тренировки мужского тела, который преодолевал ширину дубового стола и смешивался с моей вечной мерзлотой.

Дочитав до конца, он не отодвинул блокнот. Напротив, он вдруг подался вперед, кладя предплечья на стол и сокращая расстояние между нами вдвое.

Я не отшатнулась — гордость не позволила, — но пальцы левой руки под столом до боли впились в ткань моих джинсов на колене.

— С первыми тремя пунктами проблем нет, — тихо сказал Коул, глядя прямо на мои губы, а затем медленно поднимая взгляд к глазам. — А вот насчет четвертого… У меня встречное условие, Винсли.

Я вопросительно изогнула бровь, держа ручку наготове.

— Ты не смотришь на меня как на тупого неандертальца с клюшкой, который не умеет складывать двузначные числа, — он чуть склонил голову набок, и прядь темных волос упала ему на лоб. — А я, в свою очередь, не смотрю на тебя как на хрустальную вазу, которая разобьется, если рядом громко чихнуть. Идет?

Сердце в моей груди совершило резкий, болезненный кульбит и на секунду вообще остановилось.

Я замерла, глядя в его серые, подернутые стальным холодом глаза.

Значит, он знал. Конечно, он знал — кто-то из его друзей наверняка уже просветил его в раздевалке о местной городской сумасшедшей, которая год назад замолчала после аварии. Но вместо того чтобы обходить эту тему по широкой дуге, прятать глаза или говорить со мной тем отвратительным, вкрадчивым тоном, каким говорят с тяжелобольными, он просто вывалил это прямо на стол. Грубо, прямолинейно и честно.

«Я не смотрю на тебя как на хрустальную вазу».

За триста семьдесят два дня никто — ни родители, ни психологи, ни преподаватели, ни даже моя соседка Зои — не разговаривал со мной как с обычным, равным, живым человеком, которого можно разозлить или поддеть, не боясь сломать.

В горле стало сухо. Я быстро опустила ресницы, скрывая секундную растерянность, притянула блокнот обратно к себе и начертила внизу страницы всего одно слово:

«Идет».

— Отлично, — Коул снова откинулся на спинку стула, но его взгляд никуда не делся — он продолжал буравить меня с ленивым, изучающим прищуром. — Тогда показывай, что там у тебя за формулы, Птичка. И, пожалуйста, скажи, что в этой твоей акустике не нужно петь, иначе у нас с тобой будут серьезные проблемы с полицией нравов.

Я едва сдержала порыв закатить глаза, но уголок моих губ на долю миллиметра дрогнул, прежде чем я вернула лицу привычную ледяную непроницаемость. Схватив тяжелый учебник, я с глухим стуком раскрыла его на третьей главе и развернула к нему страницу, испещренную интегралами и схемами отражения звуковых волн от вогнутых поверхностей.

Следующий час прошел в странном, почти сюрреалистичном ритме.

Я объясняла материал на бумаге — быстро рисовала графики синусоид, расписывала формулу расчета времени реверберации Сабина, стрелочками показывала, как звуковая волна теряет энергию при столкновении с пористыми материалами, и подписывала комментарии. Я была уверена, что через десять минут он начнет зевать, крутить в руках телефон или тупо пялиться в окно, ожидая конца пытки.

Я ошибалась.

У Коула Мерсера оказались пугающе быстрые, цепкие мозги, когда он соизволял их включать. Как только я убрала из объяснений заумную музыкальную терминологию, которой его заваливал лектор на потоке, и перевела всё на язык чистой физики и геометрии — углы падения, плотность среды, скорость отскока, — он схватил суть мгновенно.

— Подожди, — он перебил мою очередную запись на листе, забирая из своей тетради простой карандаш и наклоняясь над моим черновиком так близко, что его плечо в сером бомбере почти соприкоснулось с моим плечом. От него пахло свежей мятой и чистым мужским теплом. — То есть коэффициент звукопоглощения работает точно так же, как амортизация борта на новой арене? Если пластик жесткий — шайба отскакивает обратно на пятачок с той же скоростью, это твое эхо. А если борт мягкий, вязкий — он гасит удар, и шайба падает прямо у стекла. Так?

Я замерла с ручкой в руке и медленно повернула к нему голову. Его лицо находилось всего в двадцати сантиметрах от моего. На таком расстоянии я видела каждую деталь: тонкую, бледную ниточку старого шрама, рассекающую его правую бровь, темные крапинки вокруг зрачков в серой радужке и то, как ровно и глубоко вздымается его широкая грудь при дыхании.

Я перевела взгляд на схему и коротко кивнула, написав на полях:

«Именно так. Если ты понимаешь физику удара, какого черта у тебя "F" за сентябрь?»

Коул криво усмехнулся, возвращаясь на свое место, и покрутил карандаш между длинными пальцами сбитой руки.

— Твой профессор Милтон на первом занятии заявил, что спортсмены в его аудитории — это генетический мусор, который портит акустику зала своим присутствием. Поэтому я просто перестал ходить на его лекции, чтобы не травмировать тонкую душевную организацию старика.

Я посмотрела на него с немым укором, но внутри невольно согласилась: профессор Милтон действительно был редким снобом, ненавидевшим всех, кто не отличал Баха от Генделя с трех нот.

Я придвинула к Коулу чистый лист с тремя расчетными задачами по акустике закрытых помещений и постучала ручкой по бумаге: *«Решай. У тебя двадцать минут»*.

Он склонился над столом, упершись локтем в дерево и запустив пальцы левой руки в свои растрепанные темные волосы. Пока он писал, нахмурив брови и время от времени беззвучно шевеля губами при подсчетах в уме, я впервые позволила себе украдкой рассмотреть его.

В нем было странное противоречие. Эти огромные, созданные для разрушения плечи и разбитые в кровь костяшки пальцев совершенно не вязались с тем, как аккуратно и сосредоточенно он выводил цифры на бумаге. Когда он тянулся за ластиком на моей половине стола, он двигался с удивительной для его роста грацией — плавно и бесшумно, словно подсознательно контролировал свое пространство, чтобы не задеть меня и не напугать резким движением.

На пятнадцатой минуте он вдруг поморщился и выронил карандаш — видимо, слишком сильно сжал пальцы правой руки, и глубокая ссадина на среднем суставе снова лопнула. Капля алой крови сорвалась с его костяшки и упала прямо на угол моего черновика, мгновенно расплываясь по белой бумаге ярким маковым пятном.

Кровь на белой бумаге.

Воспоминание ударило под дых без предупреждения, быстро и подло, как нож в темноте.

Тетрадь в черной обложке на полу искореженной машины. Красные капли, смешивающиеся с грязной дождевой водой.

Мое дыхание мгновенно сбилось, став поверхностным и рваным. Я резко отшатнулась назад к спинке стула, прижимая пальцы к собственному горлу, где снова начал набухать удушливый спазм.

Коул отреагировал со скоростью вратаря, ловящего шайбу в мертвой зоне.

Он не стал спрашивать «что с тобой?» или тянуть ко мне руки через стол. Он проследил за моим застывшим взглядом, увидел каплю крови на углу листа и всё понял за долю секунды. Одним молниеносным, почти незаметным движением он накрыл пятно крови своей широкой ладонью, скомкал весь черновик в кулак и сунул его глубоко в карман своего бомбера, убирая триггер с моих глаз долой.

А затем взял со стола стаканчик с холодной водой, который я купила в автомате перед занятием, открыл крышку и молча придвинул его вплотную к моей руке.

— В третьей задаче у меня получился отрицательный логарифм, Винсли, — совершенно ровным, будничным голосом произнес он, глядя в свой лист и давая мне возможность прийти в себя без унизительного внимания к моей слабости. — Я где-то напутал с площадью потолка или твой учебник врет?

Я смотрела на его склоненную темную макушку, на то, как он спрятал окровавленную правую руку под стол, оставив на виду только левую, и чувствовала, как ледяные тиски на моей грудной клетке постепенно разжимаются. Сердце всё еще колотилось где-то в ушах, но паническая атака отступила, так и не начавшись.

Он увидел мою панику. Он понял причину. И он потушил её за три секунды, даже не подав виду, что спасает меня.

Дрожащими пальцами я взяла стаканчик, сделала маленький глоток ледяной воды, обжигающей пересохшее горло, и медленно поставила его на место. Затем взяла новую ручку, наклонилась над его тетрадью и жирно зачеркнула вторую строчку его решения, написав сбоку уже более ровным почерком:

«Ты забыл перевести футы в метры, гений. Пересчитывай. Через десять минут мы идем в Центр адаптации, и там тебя ждут двадцать коробок с оборудованием для слабовидящих, которые сами себя на четвертый этаж не поднимут».

Коул поднял на меня взгляд. В серых глазах больше не было насмешки — только глубокое, спокойное внимание, от которого мне почему-то захотелось спрятаться под стол гораздо сильнее, чем от его недавней агрессии.

— Как скажешь, Птичка, — тихо ответил он, забирая у меня ручку, и его теплые пальцы на мгновение обожгли мою ледяную кожу. — Как скажешь.

Глава 5. Коул

Если бы кто-нибудь двадцать четыре часа назад сказал мне, что я буду сидеть в пропахшем нафталином читальном зале библиотеки, считать чертовы десятичные логарифмы коэффициента звукопоглощения и при этом бояться лишний раз пошевелить пальцем правой руки, чтобы не напугать девчонку весом в сорок пять килограммов, — я бы лично отправил этого человека на МРТ головного мозга.

Но реальность обладала извращенным чувством юмора.

Смятый лист черновика с моей собственной кровью всё еще лежал в правом кармане моего бомбера, и я буквально кожей бедра сквозь подкладку чувствовал это влажное пятно.

Я не поднимал глаз от тетради, делая вид, что смертельно поглощен переводом квадратных футов в метры, но на самом деле всё мое периферийное зрение, весь мой слух и каждый чертов нервный узел в теле были настроены исключительно на девушку по ту сторону дубового стола.

Аврора Винсли.

Когда Броди и Мэтт в душевой назвали её «Призраком», я представил себе бледную, забитую мышь, которая вздрагивает от собственной тени и смотрит в пол, вымаливая у окружающих прощение за то, что занимает место в пространстве.

Клянусь Богом, мои друзья были слепыми идиотами.

В этой девушке не было ничего от призрака. Она была похожа на оголенный высоковольтный кабель, брошенный в лужу во время шторма: снаружи неподвижная, тихая, затянутая в эту свою бесформенную серую броню из шерсти, а внутри — под завязку набитая таким электричеством, что если подойдешь без изоляции, тебя просто убьет на месте.

Я видел, как минуту назад, когда капля крови сорвалась с моей костяшки на белую бумагу, её зрачки расширились, затопив штормовую серо-зеленую радужку почти целиком. Я видел, как побелели её пальцы, вцепившиеся в собственное горло, и как беззвучно, судорожно открылся её рот в попытке поймать воздух, которого внезапно не стало.

В тот миг в её глазах был такой чистый, первобытный ад, что у меня самого внутри всё похолодело. Это был взгляд человека, которого прямо сейчас, наяву, заживо зажимает искореженным металлом.

Но еще больше меня поразило то, что было дальше. Любая другая девчонка на её месте расплакалась бы, выбежала в туалет умываться или устроила сцену. Винсли — нет. Она проглотила этот ледяной ком, сделала один глоток воды и через тридцать секунд снова ткнула меня носом в мою ошибку в расчетах с грацией королевы, казнящей нерадивого подданного.

У неё был характер тафгая из старой школы НХЛ. И это вызывало во мне такое дикое, неправильное уважение, что я совершенно не понимал, что с ним делать.

— Сто двадцать четыре целых и шесть десятых метра, — негромко произнес я, дописав последнюю цифру левой рукой (получилось криво, как у первоклассника, но читаемо), и подвинул тетрадь на её половину стола. — Проверяй, профессор. И если там снова что-то не так с этими твоими синусоидами, я клянусь, что выброшу этот учебник в окно прямо сейчас.

Аврора опустила взгляд на мои каракули.

Теперь, когда свет настольной лампы под зеленым стеклянным абажуром падал прямо на её лицо, я мог рассмотреть то, чего не заметил в первые минуты. Под её длинными, пушистыми ресницами залегли тонкие, едва заметные синеватые тени хронического недосыпа. Кожа была почти прозрачной, а на левом виске, уходя прямо в гущу каштановых волос, белел тонкий, рваный шрам длиной в пару сантиметров — след от автомобильного стекла.

И губы.

Черт возьми, мне стоило огромных усилий не пялиться на её рот. Мягкие, четко очерченные, с глубокой ложбинкой над верхней губой, сейчас они были плотно, почти упрямо сжаты. Никакого блеска или помады — только естественный, чуть прикушенный изнутри розовый оттенок. Всякий раз, когда она думала над формулой или злилась на мой комментарий, она едва заметно прикусывала внутреннюю сторону нижней губы справа. Это было крошечное, бессознательное движение, но почему-то оно притягивало мой взгляд сильнее, чем табло в овертайме.

Она быстро пробежала глазами по решению, поставила внизу страницы резкую, размашистую галочку черной ручкой и постучала ногтем по часам на экране своего смартфона: 17:25.

А затем придвинула к себе пачку желтых стикеров, черкнула пару строк, оторвала листок и приклеила его прямо поверх моего правильного ответа.

«Жить будешь, Мерсер. Для человека, которому вчера отбили последние клетки мозга в баре, ты неплохо считаешь. На среду — параграфы 4 и 5 конспективно. А теперь вставай. Твои коробки с оборудованием ждут».

Она начала быстро и слаженно собирать свои вещи со стола: учебник в рюкзак, пенал следом, блокнот в глубокий карман свитера. Движения отточенные, резкие, ни одного лишнего жеста.

— Подожди секунду, — я перехватил её взгляд, когда она уже потянулась к деревянному карандашу, державшему её волосы на затылке.

Она замерла с поднятыми руками — в этой позе безразмерный свитер снова предательски сполз, открыв нежную ложбинку между ключицами, — и вопросительно приподняла бровь. *«Что еще?»*— буквально кричало всё её лицо без единого звука.

— Условия сделки работают в обе стороны, Птичка, — я поднялся во весь рост, закидывая лямку спортивной сумки на здоровое левое плечо, а затем протянул руку и без спроса подхватил со стула её тяжелый, набитый толстыми фолиантами холщовый рюкзак. — Если я следующие полтора месяца таскаю коробки в твоем центре, то эту кирпичную кладку по кампусу тоже ношу я.

Её глаза возмущенно вспыхнули. Она тут же шагнула ко мне, протягивая узкую ладонь с испачканным чернилами средним пальцем, и вцепилась в брезентовую лямку своего рюкзака, пытаясь выдернуть его из моей руки.

Её пальцы коснулись моей кисти. Она была холодной — ледяной, как сосулька, даже после полутора часов в теплой библиотеке.

Я даже не напряг мышцы, просто чуть поднял руку с рюкзаком выше уровня её плеч. С моим ростом метр девяносто три и её метр шестьдесят пять с кепкой это было почти нечестно. Чтобы достать до лямки, ей пришлось оказаться совсем близко ко мне — буквально в десяти сантиметрах от моей груди.

Я посмотрел на неё сверху вниз. От её волос пахло чем-то невероятно чистым и тихим: детским ромашковым шампунем, сухими осенними листьями и легкой, еле уловимой ноткой ванили. Никаких тяжелых, удушливых духов, которыми поливались девчонки на вечеринках в хоккейном доме.

Она сердито дернула лямку еще раз, поняла, что сдвинуть мою руку у неё примерно столько же шансов, сколько сдвинуть бетонную опору моста, и смерила меня таким уничтожающим взглядом, что любой первокурсник уже превратился бы в горстку пепла.

Затем отпустила рюкзак, развернулась на каблуках своих тяжелых армейских ботинок так резко, что распустившиеся наконец каштановые волосы хлестнули по воздуху, и быстрым шагом направилась к выходу из читального зала.

Я усмехнулся здоровым уголком рта, повесил её рюкзак на второе плечо — он и правда весил килограммов семь, чем она его вообще набивает, свинцовыми пластинами? — и двинулся следом за ней.

На улице окончательно стемнело. Дождь перестал лить стеной, превратившись в мелкую, противную ледяную взвесь, которая висела в воздухе вокруг кованых уличных фонарей светящимися золотистыми ореолами. Под ногами хлюпали глубокие лужи, отражающие огни учебных корпусов, а порывистый северный ветер продувал насквозь, забираясь под воротник бомбера.

Аврора шла на полшага впереди меня, засунув руки глубоко в карманы своего свитера и натянув капюшон до самых глаз.

Здесь, на открытой освещенной аллее, где навстречу нам то и дело попадались стайки студентов, идущих с вечерних семинаров в сторону общежитий и кафетериев, я впервые в полной мере увидел то, о чем говорил Броди.

И это зрелище мгновенно стерло с моего лица всякую улыбку.

Пока мы шли эти триста метров от научной библиотеки до старого кирпичного здания Центра студенческой адаптации, я насчитал как минимум четырнадцать человек, которые отреагировали на наше появление по одному и тому же ублюдочному сценарию.

Сначала они видели меня: *«О, смотрите, это же Мерсер из первого звена, нихрена себе у него фингал под глазом, говорят, он вчера разнес бар в щепки»*. В их взглядах были страх, уважение, любопытство или зависть — привычный для меня коктейль, на который я давно перестал обращать внимание.

А потом они переводили взгляд чуть правее и ниже. Видели маленькую фигурку в сером капюшоне рядом со мной и её рюкзак на моем плече.

И лица людей менялись.

Девушки тут же прикрывали рты ладонями, толкая подруг локтями в бок, и начинали шептаться за нашими спинами. Парни отводили глаза с тем самым брезгливо-виноватым выражением, с каким люди смотрят на бездомную собаку со сломанной лапой у входа в супермаркет — когда и помочь не хочется, и смотреть неприятно.

«Что Коул Мерсер забыл рядом с этой немой психопаткой Винсли?»— этот вопрос буквально висел в сыром вечернем воздухе, написанный неоновыми буквами на лбу у каждого встречного.

Я скосил глаза на Аврору.

Её спина была прямой, как натянутая тетива лука. Подбородок чуть вздернут, взгляд прикован к мокрой брусчатке в трех метрах впереди. Она делала вид, что не замечает ни шепотков, ни тычков пальцами, ни того, как люди шарахаются с её траектории. Но я шел вплотную к ней. Я видел, как побелела кожа на её скулах от того, насколько сильно она сжала зубы, и как часто, рвано поднимается ткань свитера на её груди.

Она не привыкла к этому. К такому вообще невозможно привыкнуть. Каждый выход из комнаты для неё был выходом на чужой лед под свист враждебных трибун, только без шлема и без защиты.

Когда очередной парень в куртке легкоатлетической сборной, шедший нам навстречу с двумя девчонками, откровенно уставился на шрам у виска Авроры и с кривой ухмылкой начал что-то шептать своим спутницам на ухо, внутри меня снова щелкнул предохранитель.

Я не ускорил шаг и не поднял кулаки — предупреждение Дженкинса еще звенело в ушах. Вместо этого я просто сместился на полшага влево, аккуратно, но непреклонно оттесняя Аврору своим корпусом ближе к живой изгороди и полностью закрывая её от встречного потока своей широкой спиной. А затем повернул голову и посмотрел прямо в глаза легкоатлету.

Тяжелым, немигающим взглядом из-под рассеченной брови.

Ухмылка с лица бегуна испарилась быстрее, чем вода на раскаленной сковородке. Он мгновенно захлопнул рот, опустил голову в плечи и практически бегом свернул с дорожки на мокрый газон, утягивая своих девчонок подальше от меня.

Сбоку от моего локтя раздался тихий шорох. Аврора подняла голову из-под капюшона и посмотрела на меня снизу вверх. В её глазах в свете уличного фонаря мелькнуло непонимание — она не видела манёвра легкоатлета за моей спиной, но прекрасно поняла, что я только что намеренно закрыл её от ветра и чужих взглядов.

— Здесь ветер с севера дует, Птичка, — соврал я, глядя прямо перед собой с абсолютно каменным выражением лица. — А ты в своем свитере выглядишь так, будто тебя первым же порывом унесет в соседний штат. Не хватало еще, чтобы мне пришлось искать нового репетитора.

Она смотрела на мой профиль секунды три, явно не веря ни единому моему слову, но потом молча отвернулась вперед. Однако я заметил — не мог не заметить, — что остаток пути до крыльца Центра адаптации она шла на несколько сантиметровближе к моему боку, чем раньше, почти касаясь рукавом своего свитера моего бомбера.

Центр студенческой адаптации располагался на первом этаже старого корпуса имени Линкольна. Внутри было тепло, ярко и пахло лимонным средством для мытья полов, свежей типографской краской для принтеров Брайля и горячим чаем из автомата в углу.

Это место было полной противоположностью шумному хоккейному дому или мрачной библиотеке. Широкие коридоры с пандусами и металлическими поручнями вдоль стен, тактильная плитка на полу, двери с автоматическими доводчиками.

В холле за стойкой администратора сидела женщина средних лет с теплой улыбкой, которая при виде Авроры радостно закивала и показала несколько быстрых жестов руками.

Аврора мгновенно преобразилась. Ледяная маска, которую она держала на лице в кабинете декана, в библиотеке и на аллее, вдруг растаяла. Она скинула капюшон, мягко, одними уголками губ и глазами улыбнулась женщине и ответила ей серией плавных, невероятно быстрых и выразительных движений пальцев.

Я замер у входа, сжимая лямки двух сумок, и завороженно смотрел на её руки.

Когда она разговаривала на языке жестов, её пальцы буквально танцевали в воздухе. Это было похоже на дирижирование невидимым оркестром — столько в этом было грации, точности и жизни. Значит, она не была немой для всех. Просто мир вокруг неё был слишком ленив и глух, чтобы выучить её способ говорить.

Закончив диалог с администратором, Аврора повернулась ко мне. Теплота с её лица тут же схлынула, уступив место деловой строгости куратора. Она махнула мне рукой, призывая идти следом по коридору в сторону складских помещений.

Я думал, что она даст мне какую-нибудь бумажную волокиту — клеить ярлыки на папки или протирать мониторы в компьютерном классе. Но, видимо, моя шутка про семикилограммовый рюкзак задела её за живое.

Она остановилась перед распахнутой дверью подсобного помещения у грузового входа, куда сегодня днем служба доставки сгрузила целую гору огромных картонных коробок, перетянутых упаковочной лентой. На коробках стояла маркировка: *«Акустические индукционные петли, тактильные дисплеи и блоки питания. Осторожно, тяжелое»*.

Аврора достала из кармана свой блокнот, черкнула пару слов и с абсолютно невозмутимым видом показала мне страницу:

«Грузовой лифт на ремонте до пятницы. Половину этих коробок нужно поднять в лабораторию на третий этаж, вторую половину — в архив на четвертый. Когда закончишь — рассортируешь старые учебники по полкам в кабинете 102. Время пошло, Мерсер».

В её серо-зеленых глазах плясали такие откровенные, злорадные чертики, что я едва сдержал смех. Она проверяла меня на вшивость. Ждала, что звездный мальчик из первого звена сейчас начнет качать права, звонить тренеру или жаловаться на ушибленные вчера ребра.

— Ты жестокая женщина, Винсли, — низко протянул я, сбрасывая сумки на стул в углу и стягивая через голову бомбер.

Я остался в одном черном лонгсливе, закатал рукава до локтей, открывая забитые черными татуировками предплечья, подошел к паллете и без видимых усилий подхватил сразу две массивные двадцатикилограммовые коробки одну на другую. Мышцы на плечах и спине привычно напряглись, ребра слева отозвались тупым уколом боли после вчерашнего удара в баре, но я даже не моргнул. Для человека, который жмет от груди сто тридцать килограммов на разминке, это была легкая прогулка.

Я посмотрел поверх верхней коробки на слегка вытянувшееся лицо Авроры и подмигнул ей здоровым глазом:

— Показывай дорогу на четвертый этаж, босс. Не хочу испортить твою статистику.

Следующий час с лишним я работал грузчиком. Вверх по лестнице, вниз по лестнице, длинные коридоры, снова вверх. Монотонный физический труд всегда действовал на меня как медитация — он выжигал лишний адреналин и прочищал мозги не хуже ледовой раскатки. К концу сороковой минуты ткань лонгслива на спине и груди взмокла, прилипнув к коже, а дыхание стало глубоким и тяжелым.

Аврора не сидела на месте. Пока я таскал тяжести, она на третьем этаже вскрывала коробки канцелярским ножом, проверяла серийные номера оборудования по накладным и раскладывала кабели по стеллажам.

В какой-то момент, когда я поднимался на третий этаж с последней партией блоков питания в руках, я услышал в коридоре у лестничной клетки глухой металлический стук, а затем — тихую, отчаянную ругань.

Вывернув из-за угла, я увидел паренька-первокурсника. Худой, совсем еще пацан в очках с толстыми линзами, он сидел в тяжелой механической инвалидной коляске перед двустворчатой дверью компьютерного зала. Одно из передних маленьких колес его коляски попало в глубокую выбоину в старом пороге и заклинило намертво, а с колен парня на пол рассыпалась целая кипа распечатанных листов и специализированная клавиатура с крупными клавишами.

Он пытался дотянуться до пола, чтобы поднять бумаги, но коляска опасно накренилась вперед, грозя вот-вот опрокинуть его лицом в кафель, а мимо по коридору торопливо прошли двое студентов со старшего курса, даже не притормозив, чтобы придержать дверь.

Я поставил свои коробки прямо на пол у стены и в три широких шага оказался рядом с ним.

— Осторожнее, братишка, сейчас сделаешь овертайм носом в пол, — спокойно сказал я, опускаясь на одно колено перед его коляской и одной рукой надежно фиксируя металлическую раму, чтобы она не качалась.

Парень испуганно вскинул голову, узнал меня — его глаза за линзами очков стали размером с две хоккейные шайбы — и густо покраснел до самых ушей.

— Я… извините, я сам, у меня просто колесо попало в щель, — забормотал он, пытаясь дрожащими руками дотянуться до разлетевшихся листов.

— Забей, тут пороги проектировал человек, который ненавидел людей, — я усмехнулся, быстро и аккуратно собрал все его листы в ровную стопку, проверил, не треснул ли пластик на упавшей клавиатуре, и положил всё ему на колени. — Держи груз. Сейчас вытащим твой болид из кювета.

Взявшись обеими руками за стальную вилку переднего моста коляски, я легко приподнял её на пару сантиметров вверх, освобождая застрявшее колесо из выбоины, и плавно прокатил коляску через порог внутрь компьютерного зала, на ровный линолеум.

— С-спасибо огромное, мистер Мерсер… то есть Коул, — выдохнул парень, глядя на меня так, будто к нему с небес спустился как минимум капитан «Питтсбург Пингвинз». — Я видел вчерашнюю игру. Ваш силовой в конце третьего периода был просто космос!

— Рад стараться. Только в следующий раз, когда будешь штурмовать этот порог, бери угол атаки в сорок пять градусов, как при входе в зону, тогда колесо не застрянет, — я хлопнул его по плечу, подмигнул и вышел обратно в коридор, чтобы забрать оставленные коробки.

И только когда я наклонился за картонной тарой, я заметил Аврору.

Она стояла в пяти метрах дальше по коридору, у открытой двери лаборатории, прижимая к груди папку с накладными. Она видела всю сцену от начала до конца.

Когда наши взгляды встретились, она не отвела глаза. Она смотрела на меня долго, невероятно пристально, словно прямо сейчас в её голове со скрипом ломалась какая-то фундаментальная формула, по которой она меня вычислила еще в библиотеке. В её штормовых глазах больше не было ни льда, ни колючего сарказма, ни защиты. Там было тихое, глубокое замешательство.

Как будто она вдруг поняла, что чудовище с разбитыми в кровь кулаками и дурной репутацией на самом деле устроено гораздо сложнее, чем пишут в полицейских рапортах.

Я выпрямился с коробками в руках и подошел к ней вплотную, останавливаясь у самого порога лаборатории.

В узком дверном проеме между нами снова оставалось всего несколько дюймов воздуха. Я слышал, как пахнет её кожа на шее — той самой теплой ванилью и осенним дождем. Видел, как под тонкой кожей у самой ключицы, там, где сбился воротник серого свитера, быстро-быстро трепещет жилка пульса.

— Не смотри на меня так, Птичка, — тихо произнес я, наклоняясь к ней чуть ближе, так, чтобы мой голос был слышен только ей одной в этом пустом, гулком коридоре. — Иначе мне придется кого-нибудь укусить, чтобы поддержать свою репутацию отморозка.

Аврора не отступила ни на миллиметр.

Её пальцы чуть сильнее сжали пластиковую папку на груди, а взгляд медленно опустился с моих глаз на мои забитые черными татуировками предплечья, напрягшиеся под весом коробок, а затем — на разбитые костяшки правой руки.

Впервые за последние два часа она не потянулась за блокнотом и не стала искать ручку, чтобы отгородиться от меня очередным колючим забором из букв. Она просто посмотрела мне прямо в глаза, чуть заметно качнула головой — в этом движении читалось что-то среднее между немым укором и легкой, почти неуловимой усмешкой — и отступила в сторону, пропуская меня внутрь лаборатории.

Я занес последние коробки, с глухим стуком опустил их на широкий металлический стол в углу и выпрямился, разминая затекшую поясницу и вращая гудящим правым плечом.

Следующие сорок минут прошли в странном, почти гипнотическом безмолвии на первом этаже в кабинете номер сто два.

Это была небольшая комната, от пола до потолка заставленная деревянными стеллажами со специальной литературой — огромными многотомниками, отпечатанными рельефно-точечным шрифтом Брайля, и аудиоархивами на дисках. За окном уже вовсю хозяйничала октябрьская ночь: чернильную темноту разрезали только редкие желтые пятна фонарей да свет фар проезжающих по дальней дороге машин, оставляющих на мокром стекле длинные дрожащие блики.

Мы работали бок о бок в узком проходе между стеллажами.

Аврора стояла на невысокой деревянной стремянке, сверяя каталожные номера на корешках, а я подавал ей снизу тяжелые фолианты из стопок на полу. В этом замкнутом пространстве, пропахшем бумажной пылью и её ромашковым шампунем, время словно замедлило

свой ход. Здесь не было рева восьмитысячных трибун, не было требований тренера, не было ледяного голоса моего отца в телефонной трубке.

Был только тихий шелест переворачиваемых страниц, мягкий стук картонных переплетов о деревянные полки и её ровное, чуть слышное дыхание в полуметре над моей головой.

Я поймал себя на том, что мне не хочется нарушать эту тишину. Всю свою жизнь я бежал от безмолвия, потому что в тишине в моей голове начинали орать собственные демоны. Поэтому я включал музыку в пикапе на полную громкость, поэтому шел в шумные бары, поэтому искал столкновений на льду. Но тишина Авроры Винсли была совершенно другой. Она не давила на уши — она укрывала, как тяжелое теплое одеяло после трех часов на морозе.

Когда я протягивал ей последний том энциклопедии по теории музыки, она потянулась вниз со ступеньки стремянки, чтобы перехватить книгу, и её ступня в массивном ботинке случайно соскользнула с гладкого лакированного края деревянной перекладины.

Все произошло за долю секунды.

Она не вскрикнула — даже в момент потери равновесия её горло не издало ни звука, только резкий, судорожный вдох сквозь зубы, когда она качнулась назад, теряя опору, а тяжелый том выскользнул из её пальцев.

Мои рефлексы сработали раньше, чем я успел подумать. Книга с глухим грохотом рухнула на пол, а я шагнул вперед, перехватывая Аврору обеими руками прямо в воздухе.

Моя левая ладонь легла ей под лопатки, а правая — жестко и надежно обхватила за талию, прижимая её падающее тело вплотную к своей груди и принимая всю инерцию на себя. Моя спина глухо ударилась о противоположный книжный стеллаж, отчего на верхней полке качнулись папки, но я удержался на ногах, впечатав подошвы кроссовок в паркет.

Несколько долгих, бесконечных секунд мы не двигались.

Она висела в моих руках, оторванная от пола на десяток сантиметров. Её ладони в падении инстинктивно уперлись в мои плечи, а пальцы намертво вцепились в черную ткань лонгслива на моих ключицах. Под толстым слоем её безразмерного серого свитера я чувствовал, какая она на самом деле маленькая, хрупкая и тонкая — буквально одни ребра и напряженные струнами мышцы, которые моей широкой ладони на её талии было легко обхватить почти наполовину.

Её лицо оказалось прямо напротив моего. Так близко, что её рассыпавшиеся каштановые пряди щекотали мою разбитую скулу, а теплое, сбившееся дыхание с её приоткрытых губ касалось моего подбородка.

Я смотрел в её огромные, расширившиеся от испуга глаза цвета штормового моря и чувствовал, как под тонкой тканью моей футболки, ровно там, где лежали её ледяные ладони, мое собственное сердце бьется о ребра с силой отбойного молотка.

Тук. Тук. Тук.

Она тоже это слышала. Я видел это по тому, как дрогнули её густые ресницы и как её взгляд медленно, словно под гипнозом, скользнул с моих глаз на мою рассеченную нижнюю губу.

В воздухе между нами вдруг стало так мало кислорода и так много электричества, что если бы кто-то сейчас щелкнул выключателем на стене, комната бы просто взлетела на воздух. Моя правая рука на её талии непроизвольно сжалась чуть сильнее, притягивая её еще на миллиметр ближе к себе, впечатывая её мягкость в жесткий рельеф моего пресса.

Опусти её, Мерсер. Немедленно поставь её на пол, пока не натворил глупостей.

Но мое тело отказывалось подчиняться приказам мозга. Я никогда в жизни не держал в руках девушку так — не с желанием побыстрее стащить с неё одежду на заднем сиденье машины или в темной спальне после вечеринки, а с каким-то диким, первобытным инстинктом закрыть её собой от всего чертова мира и никуда не выпускать.

Аврора первой пришла в себя.

Её пальцы на моих плечах дрогнули и разжались. Она уперлась ладонями в мою грудь — легко, без паники, но настойчиво требуя пространства.

Я медленно, с внутренней неохотой разжал руки и аккуратно опустил её ботинками на пол, но ладони от её талии убрал не сразу — выждал секунду, убеждаясь, что она твердо стоит на ногах, и только потом сделал полшага назад, упираясь затылком в корешки книг на стеллаже позади себя.

На бледных щеках Авроры проступил тонкий, едва заметный румянец, от которого она мгновенно стала выглядеть на свои двадцать лет, а не на вечность, прожитую в темноте. Не поднимая на меня глаз, она резким движением одернула задравшийся свитер, быстро наклонилась, подняла с пола упавший фолиант и задвинула его на нижнюю полку.

Затем подошла к столу у входа, где лежали наши вещи и папка с моим волонтерским табелем.

Я молча подошел следом, натягивая через голову свой серый бомбер и чувствуя, как на коже груди всё еще горят пять ледяных отпечатков её пальцев.

На часах над дверью было 19:30.

Аврора раскрыла папку, вписала в первую строчку сегодняшнюю дату, поставила в графе «Количество часов» аккуратную двойку и расписалась в колонке куратора своим острым, летящим почерком.

После этого она вырвала из своего блокнота последний на сегодня желтый стикер, быстро набросала на нем несколько строчек и приклеила его прямо на экран моего выключенного телефона, лежавшего на краю стола. Закинула свой тяжелый рюкзак на плечо — на этот раз быстрее, чем я успел перехватить лямку, — и, даже не обернувшись на прощание, выскользнула за дверь кабинета, растворяясь в тихом полумраке коридора.

Я остался в комнате один.

Постоял несколько секунд, слушая, как затихают вдали её легкие шаги по линолеуму, а затем взял со стола телефон и поднес его к глазам, читая размашистые черные строчки на желтой бумажке:

«Два часа засчитаны, осталось сорок восемь. В среду в 16:00 на том же месте в библиотеке. Не смей приходить с новыми синяками на лице, Мерсер — ты отвлекаешь меня от формул. И купи себе пластырь для рук».

Я смотрел на этот клочок бумаги, и по моему лицу, несмотря на ноющую скулу и разбитую губу, медленно расползалась самая настоящая, дурацкая улыбка, которой я не помнил у себя уже несколько лет.

Аккуратно отклеив стикер от экрана, я открыл свой кожаный бумажник, убрал его в прозрачное отделение рядом с водительскими правами и вышел из корпуса в холодную октябрьскую ночь.

Впереди у меня было сорок восемь часов отработки, десятки страниц ненавистной акустики и полтора месяца рядом с девушкой, которая одним своим молчанием выбивала из меня дух сильнее, чем любой силовой прием на льду. И впервые в жизни я не мог дождаться среды.

Глава 6. Аврора

До среды оставалось тридцать восемь часов, и каждый из них я потратила на то, чтобы убедить себя: в понедельник вечером в архиве Центра адаптации ничего не произошло.

Абсолютно ничего.

Я просто оступилась на лакированной перекладине старой стремянки — обычная потеря координации из-за усталости и низкого давления, — а Коул Мерсер просто оказался рядом и сработал как нормальный человек с развитыми спортивными рефлексами, не дав своему репетитору свернуть шею до сдачи ноябрьского зачета. Чистая механика. Закон сохранения импульса в замкнутой системе двух тел.

Тогда почему, черт возьми, даже во вторник ночью, лежа под двумя тяжелыми одеялами в своей узкой кровати в общежитии, я всё еще чувствовала на своих ребрах и талии фантомный, обжигающий отпечаток его широких ладоней?

Почему каждый раз, когда я закрывала глаза, вместо привычной спасительной пустоты передо мной всплывали его серые, подернутые грозовой сталью глаза на расстоянии вытянутых ресниц, темная щетина на тяжелой челюсти и тот глухой, яростный стук его сердца под черной тканью лонгслива прямо под моими пальцами?

Тук. Тук. Тук.

Он бился о мои ладони, как живой зверь, запертый в клетке. Сильный, горячий, оглушающий. Я отвыкла от того, что люди могут быть такими теплыми. За последний год я вообще отвыкла от чужих прикосновений: после больницы я выстроила вокруг своего тела демилитаризованную зону радиусом в полтора метра, и каждый, кто пытался её нарушить из жалости или участия, натыкался на колючую проволоку.

А Мерсер просто снес мои заграждения одним движением, поймал меня в воздухе, прижал к себе так, будто я весила не больше бумажного самолетика, и пах при этом морозной мятой, чистым мужским потом и дождем.

— Ты сегодня прожжешь дыру в своем тосте, Рори, — бодрый голос моей соседки Зои выдернул меня из оцепенения в среду утром.

Я моргнула, фокусируя взгляд на тарелке перед собой. Мы сидели за маленьким круглым столиком у окна на нашей крошечной кухне в блоке для старшекурсниц. За окном светило редкое, холодное октябрьское солнце, превращая опавшую кленовую листву на газонах в россыпь начищенной меди.

Зои — невысокая, фигуристая блондинка с факультета журналистики, чья половина комнаты напоминала взорвавшийся магазин косметики и глянцевых постеров, — стояла у кофеварки в розовой шелковой пижаме и с подозрением разглядывала меня поверх кружки с надписью «Сначала кофе, потом сплетни».

Я опустила глаза на свой остывший тост с арахисовым маслом, который уже минут десять машинально кромсала на микроскопические квадратики кончиком ножа, и отложила прибор в сторону.

— Серьезно, что с тобой со вчерашнего дня? — Зои плюхнулась на стул напротив, поджав под себя ноги, и сделала глоток кофе. — Вчера вечером ты два часа сидела над учебником по физике звука, открытым вверх ногами. Я специально проверила! А сегодня утром у тебя такое лицо, будто ты собираешься на войну. Этот хоккеист оказался полным психом? Хочешь, я напишу про него разгромную колонку в студенческом вестнике? У меня как раз недобор по скандальным темам на этой неделе.

Зои была единственным человеком в этом университете, которому я позволяла находиться рядом без защитного скафандра. Когда нас поселили вместе в сентябре прошлого года

— за месяц до аварии, — мы не были близкими подругами, потому что всё мое время принадлежало Хлое и репетициям. Но когда в ноябре я вернулась из клиники немой тенью самой себя, а половина этажа боялась заходить со мной в один лифт, Зои просто молча выбросила из нашей комнаты все зеркала, которые меня пугали, купила магнитную доску на холодильник и заявила: *«Отлично, я всё равно люблю монолог больше, чем диалог. Будешь слушать мое нытье про бывших и кивать в нужных местах»*.

Она не жалела меня. Она просто жила рядом со мной, заполняя мертвую тишину нашей комнаты своей кипучей, неуемной энергией.

Я потянулась к магнитной доске, лежавшей на краю подоконника, взяла черный сухостираемый маркер и быстро написала:

«Он не псих. И не вздумай ничего про него писать, иначе декан Хоторн сотрет мою рекомендацию в порошок. Просто сегодня мы будем проходить волновой резонанс в большой аудитории, а мне нужно подготовить аппаратуру».

Зои прищурила свои ярко-голубые глаза, наклоняясь над доской, а затем медленно расплылась в хитрой, лисьей улыбке.

— «Он не псих»? — процитировала она с драматическим придыханием, прижимая ладонь к сердцу. — Девочки, запишите дату в календаре! Аврора Винсли защищает парня из спортивного братства! И не просто парня, а Коула «Жнеца» Мерсера, которым пугают первокурсников на неделе ориентации!

Я закатила глаза, стерла написанное ребром губки и вывела новое слово, ткнув маркером в её сторону:

«Заткнись».

— Нет уж, теперь мне безумно интересно, — Зои рассмеялась, откидывая светлые кудри за спину. — Между прочим, вчера в столовой девчонки из «Дельты» чуть не подрались из-за слухов о том, что Мерсера видели в понедельник вечером идущим с тобой от библиотеки. И что он нес твой рюкзак! Бекка Митчелл клялась, что это оптический обман, потому что Коул Мерсер никогда ни за кем не носит вещи и вообще не разговаривает с девушками дольше пяти минут, если они не находятся в горизонтальном положении.

Внутри у меня всё неприятно сжалось.

Вот именно поэтому я и ненавидела популярность. Всего один проход по аллее кампуса длиною в триста метров — и мое имя снова полощут в столовой среди пластиковых подносов с салатом, привязывая его к местной знаменитости.

Я резко поднялась из-за стола, сунула ноги в тяжелые армейские ботинки в прихожей и накинула поверх темно-зеленой фланелевой рубашки в клетку свое длинное черное пальто.

— Эй, я же просто дразню тебя! — крикнула мне вслед Зои, высовываясь из кухни. — Не забудь, что в пятницу вечером я тащу тебя на вечеринку к ребятам из футбольной команды на Бейкер-стрит! Ты обещала посидеть со мной в углу хотя бы час, пока я буду брать компромат на их квотербека!

Я махнула ей рукой на прощание, не оборачиваясь, и захлопнула за собой дверь блока.

В среду к четырем часам дня я решила сменить дислокацию.

Сидеть снова в тесном алькове библиотеки за четырнадцатым столом, где каждое движение Коула Мерсера лишало меня половины кислорода, было выше моих сил. Кроме того, по программе у нас шли практические замеры звукового давления и стоячих волн, а объяснять это на пальцах в читальном зале, где нельзя даже громко вздохнуть, было бессмысленно.

Поэтому в 15:50 я прикрепила к дубовой столешнице четырнадцатого стола в библиотеке желтый стикер с короткой инструкцией: *«Спускайся в корпус искусств, цокольный этаж, лекционная аудитория А-02. Не опаздывай»*, — а сама отправилась вниз, чтобы успеть настроить генератор частот и осциллограф.

Аудитория А-02 была старым амфитеатром с высокими деревянными рядами скамей, уходящими круто вверх под самый потолок, и небольшой сценой-подиумом внизу, где стояли меловая доска на колесиках, кафедра лектора и стол с лабораторным оборудованием. В это время дня здесь не было пар: сквозь узкие фрамуги под потолком падали косые, пыльные лучи уходящего солнца, окрашивая пустые ряды в цвет старого янтаря. В воздухе витал знакомый запах мела, нагретой электроники и остывших радиаторов отопления.

Я стояла у лабораторного стола, спиной к входным дверям, и подсоединяла кабели от динамика к усилителю, когда тяжелая дверь на верхнем ярусе амфитеатра тихо скрипнула и закрылась с мягким щелчком замка.

Я не посмотрела на часы. Мне не нужно было.

Ровно в 16:00 по деревянным ступеням прохода сверху вниз зазвучали его шаги — размеренные, тяжелые, уверенные. С каждым его шагом вниз воздух в огромной пустой аудитории словно сгущался, вытесняемый его присутствием.

Я выпрямилась, убирая прядь волос за ухо, и повернулась к нему лицом.

Коул спускался по последним ступенькам к подиуму. Сегодня на нем были темно-синие джинсы, тяжелые рабочие ботинки со стертыми носами и свободная черная худи с капюшоном и едва заметным серебристым логотипом хоккейного клуба на груди. Рукава худи были закатаны до середины предплечий, а из кармана кенгуру торчал свернутый в трубку конспект, который я задала ему на дом, и… желтый уголок моего первого стикера на обложке.

Но мой взгляд мгновенно приковался к другому.

Лиловый отек под его левым глазом за два дня немного спал, сменившись резкой желто-бурой тенью на скуле, а рассеченная губа стянулась тонкой темной полоской. А когда он подошел к столу и сбросил сумку на первый ряд скамей, я увидела его правую руку.

Все четыре сбитых костяшки пальцев были аккуратно, хотя и немного неуклюже, заклеены широкими полосками черного кинезио-тейпа, которым спортсмены обычно фиксируют мышцы.

«И купи себе пластырь для рук», — вспомнила я последнюю строчку своей записки с понедельника.

Он действительно это сделал. Не проигнорировал, не посмеялся, а заклеил свои разодранные кулаки черным тейпом перед тем, как прийти ко мне, чтобы я больше не видела его крови на белой бумаге.

Внутри моей грудной клетки что-то дрогнуло — так тихо и глубоко, будто кто-то тронул пальцем басовую струну рояля в пустом зале.

— Привет, Птичка, — Коул остановился по ту сторону лабораторного стола, опершись ладонями о край и глядя на меня сверху вниз своими невозможными грозовыми глазами. — Четыре ноль-ноль. На этот раз у тебя нет ни единого шанса придраться к моему таймингу.

Я быстро опустила взгляд к столу, чтобы он не заметил, как потеплели мои щеки, схватила с подставки белый мелок и, развернувшись к черной матовой доске позади себя, с легким стуком вывела крупными печатными буквами:

«Ты выучил параграфы 4 и 5?»

— Обижаешь, — за моей спиной раздался шорох: он обошел стол, приближаясь к доске. — Я вчера перед сном читал твоего Сабина вместо сказки на ночь. Даже Мэтту за завтраком объяснил, почему его храп в нашей спальне создает эффект стоячей волны в коридоре. Парень был в восторге, обещал засунуть мне учебник в щитки на тренировке.

Я фыркнула — совсем беззвучно, только плечи под фланелевой рубашкой дрогнули от сдерживаемого смеха, — и повернулась к нему, протягивая кусок мела: *«Тогда к доске. Нарисуй мне график интерференции двух волн с одинаковой частотой в противофазе»*.

Коул посмотрел на маленький белый брусочек мела в моей ладони, затем на мои пальцы.

На этот раз, забирая мел, он не просто взял его за край — его широкие, горячие пальцы намеренно, медленно скользнули по моей ладони от запястья до самых подушечек, задерживаясь на секунду дольше необходимого.

Мою руку будто лизнуло открытым пламенем. Я резко отдернула кисть, пряча её в карман джинсов, и отступила на шаг к тумблеру генератора звуковых частот.

Коул едва заметно усмехнулся уголком губ, повернулся к доске и с неожиданным размахом, уверенной твердой линией начертил оси координат и две зеркальные синусоиды, гасящие друг друга в прямую линию посередине.

— Когда две волны одинаковой амплитуды сталкиваются в противофазе, они уничтожают друг друга, — произнес он своим низким, вибрирующим в тишине амфитеатра баритоном, поворачивая голову через плечо и глядя прямо мне в глаза. — Плюс на минус дает абсолютный ноль. Идеальная тишина в эпицентре шторма. Так ведь, Винсли?

Я смотрела на его профиль на фоне черной доски, исписанной белым мелом, и понимала, что он сейчас говорит совсем не об акустике. Он говорил о нас. О том, как его вечная, клокочущая ярость и моя мертвая, ледяная немота почему-то при столкновении давали эту странную, звенящую передышку для нас обоих.

Чтобы разрушить это опасное наваждение, я резко повернулась к приборам на столе и щелкнула тумблером низкочастотного генератора.

Из лабораторного динамика полился густой, низкий, почти утробный гул — шестьдесят герц чистой синусоиды. Звук заполнил аудиторию А-02, отражаясь от деревянных панелей стен и потолка.

Я взяла свой блокнот, написала пару строк и показала Коулу:

«Сейчас в аудитории возникла стоячая волна. В одних точках зала звук усиливается вдвое (пучности), а в других — полностью пропадает (узлы). Найди узел на слух без приборов».

Коул с интересом прищурился, прислушиваясь к монотонному гулу, и начал медленно двигаться вдоль подиума, чуть наклонив голову набок. Я следила за ним, как завороженная. В этой черной худи, с закатанными рукавами, открывающими темную вязь татуировок на мускулистых предплечья, он двигался с кошачьей, хищной плавностью защитника, читающего лед.

Он сделал три шага влево, покачал головой — там гул только усиливался, вибрируя в грудной клетке. Затем развернулся и пошел прямо ко мне, в угол между лабораторным столом и передвижной меловой доской.

Я стояла в этом углу, прижавшись поясницей к краю стола.

— Здесь, — тихо сказал Коул, останавливаясь прямо передо мной, буквально в полушаге.

И он был абсолютно прав.

Именно в этой точке, зажатой между отражающими поверхностями доски и стены, волны гасили друг друга. Стоило ему встать передо мной, как гул генератора вокруг наших голов странным образом притих, словно мы с ним оказались внутри невидимого звуконепроницаемого купола, отрезанного от остальной аудитории.

Но проблема была в том, что внутри этого купола было слишком мало места для двоих.

Коул не отступил назад, когда выполнил задание. Он остался стоять прямо передо мной, глядя сверху вниз. В пыльном золотистом луче заходящего солнца, падающем из верхнего окна, я видела мельчайшие золотые искры в серой глубине его радужки.

— Знаешь, что самое странное в твоем предмете, Птичка? — его голос здесь, в акустическом узле, звучал совсем глухо, интимно, будто он шептал мне прямо на ухо, хотя не касался меня ни одним сантиметром тела. — Все эти твои формулы говорят, что тишина — это отсутствие колебаний воздуха. Но когда ты молчишь рядом со мной, воздух вокруг тебя гудит сильнее, чем этот чертов динамик.

У меня перехватило дыхание. Пальцы позади спины до боли вцепились в металлический край лабораторного стола.

Я подняла руку с зажатым в ней черным маркером для белой доски, собираясь написать что-то резкое, саркастичное, что-то, что немедленно отбросит его обратно на безопасную дистанцию за синюю линию, прямо на ламинированной поверхности стола между нами.

Но Коул прочитал мой маневр раньше, чем колпачок слетел с маркера.

Его левая рука поднялась и мягко, но неотвратимо перехватила мое правое запястье в воздухе.

Пальцы сомкнулись вокруг моей тонкой кости в плотное, обжигающе горячее кольцо. Большой палец его руки лег прямо на внутреннюю сторону моего запястья — туда, где под бледной, почти прозрачной кожей и синими ниточками вен бешено, в сто сорок ударов в минуту, колотился мой предательский пульс.

Я замерла, не в силах ни вдохнуть, ни выдернуть руку. Разряд статического электричества, прошивший меня от точки соприкосновения нашей кожи до самых кончиков пальцев на ногах, был таким мощным, что у меня перед глазами на секунду поплыли цветные круги.

Коул опустил взгляд на свои пальцы, обхватывающие мое запястье. На контрасте с его широкой, смуглой, испещренной мелкими шрамами и черными линиями татуировки кистью моя рука казалась почти кукольной. Он медленно, еле заметно провел подушечкой большого пальца вдоль моей вены — ровно по линии бьющегося пульса. Туда и обратно. Всего один раз.

Это было не просто прикосновение. Это был вопрос без единого слова. И я знала, что мой пульс под его пальцем прямо сейчас сдает меня с потрохами, крича то, чего никогда не произнесут мои губы.

— Семьдесят герц на генераторе, Винсли, — хрипло, почти на грани слышимости произнес Коул, поднимая тяжелый, потемневший взгляд от моего запястья к моим глазам. — А у тебя под кожей сейчас все двести. Ты всё еще будешь писать мне на бумажках, что я тебя отвлекаю только своими синяками?

Мои губы сами собой чуть приоткрылись, выпуская рваный, беззвучный выдох. Я смотрела на него — на эту жесткую складку у разбитого рта, на темные ресницы, на то, как бережно, несмотря на всю свою пугающую силищу, он держит мою руку, не сжимая, оставляя мне полную свободу вырваться в любой миг.

И самое страшное заключалось в том, что я не хотела вырываться.

За триста семьдесят два дня ледяного ада мне впервые в жизни было тепло. Так жарко и страшно, будто я стояла на самом краю обрыва над бушующим океаном, и ветер бил мне прямо в лицо.

Где-то далеко в коридоре за тяжелыми дверями аудитории вдруг раздался громкий смех студентов и звон упавшего термоса — кто-то проходил мимо цокольного этажа.

Этот внешний звук сработал как ведро ледяной воды.

Я резко вздрогнула, возвращаясь в реальность, и потянула запястье на себя. Коул разжал пальцы в ту же долю секунды, не удерживая меня ни на мгновение. Моя освобожденная рука упала вниз, но кожа на запястье продолжала гореть так, словно на ней выжгли тавро раскаленным железом.

Отвернувшись к столу так быстро, что волосы закрыли мое пылающее лицо, я щелкнула тумблером, выключая гудящий генератор частот. В аудитории повисла абсолютная, оглушительная тишина.

Мои пальцы так мелко дрожали, что мне потребовалось две попытки, чтобы попасть в строчку своего блокнота. Я не стала поднимать на него глаза — я знала, что если посмотрю в его лицо прямо сейчас, то просто сбегу из этой аудитории, наплевав на Чикаго, Хоторна и всю свою гордость.

Я вырвала лист, положила его на край стола и шагнула к выходу на верхний ярус, бросив через плечо только короткий кивок в сторону бумажки.

«Занятие окончено. Иди в Центр адаптации один, скажи миссис Кларк на ресепшене, что я приду через пятнадцать минут — мне нужно сдать ключи от лаборатории на кафедру. Не вздумай трогать приборы».

Я почти взбежала по деревянным ступенькам амфитеатра вверх, толкнула тяжелую дверь и выскочила в прохладный полумрак коридора, прижимаясь спиной к холодной каменной стене и закрывая глаза.

Мое левое запястье было прижато к правому — я пыталась остудить горящую кожу, но под пальцами всё еще отдавался его хриплый голос: *«А у тебя под кожей сейчас все двести»*.

Я думала, что согласилась быть его репетитором, чтобы спасти свое будущее в Чикаго. Но стоя сейчас в пустом коридоре и слушая, как гулко стучит кровь в висках, я с ужасом поняла одну простую вещь: если Коул Мерсер продолжит смотреть на меня так, как смотрел минуту назад в этом акустическом узле, к концу ноября спасать придется уже меня саму. И ни один звукоизолированный бокс в мире мне в этом не поможет.

Глава 7. Коул

Двести ударов в минуту.

Я сидел на диване в гостиной нашего хоккейного дома, закинув ноги в тяжелых ботинках на потертый журнальный столик из темного дуба, и бездумно крутил в пальцах левой руки пустую пивную бутылку.

С тех пор как Аврора Винсли выдернула свое запястье из моей ладони и сбежала из цокольной аудитории А-02, прошло уже четыре часа. За это время я успел отработать смену в Центре адаптации под присмотром миссис Кларк (сама Винсли там так и не появилась, прислав куратору сухое сообщение о мигрени), отжать от груди свой рабочий вес в вечернем зале и принять ледяной душ.

Ни хрена не помогло.

Подушечка моего большого пальца всё еще горела так, будто я прижал её к раскаленной конфорке плиты. Стоило мне на секунду прикрыть веки, как память услужливо, с какой-то садистской четкостью подбрасывала мне тактильное ощущение её кожи — тонкой, прохладной, почти невесомой, под которой от одного моего прикосновения взбесился пульс.

И её глаза. Огромные, затопленные паникой и чем-то еще — темным, тягучим, пугающим её саму до полусмерти, — когда она стояла в том акустическом узле, зажатая между мной и лабораторным столом, и дышала через раз.

— Ставлю двадцать баксов на то, что наш Жнец пытается в уме разделить ноль на ноль и у него завис процессор! — громкий голос Мэтта прорезал гул телевизора, на экране которого виртуальные хоккеисты в форме «Бостон Брюинз» в очередной раз разносили оборону «Торонто».

Я моргнул, возвращаясь в реальность, и лениво перевел взгляд на своих соседей.

Среда в нашем доме на Элм-стрит считалась «тихим вечером», хотя представление хоккеистов о тишине сильно отличалось от общепринятого. В просторной гостиной с высокими потолками, пропахшей остывшей пепперони из трех открытых картонных коробок, хмелем и средством для чистки кожаной мебели, стоял привычный кавардак.

Мэтт Донован, наш основной вратарь — двухметровый шкаф со светлым ежиком волос и вечно невозмутимым лицом человека, которому шайбы прилетают в голову со скоростью сто шестьдесят километров в час, — сидел прямо на ковре перед плазмой, яростно насилуя кнопки джойстика. Рядом с ним, развалившись в кожаном кресле-реклайнере и закинув одну длинную ногу на подлокотник, сидел Броди Каллахан.

Наш капитан был живым воплощением рекламного плаката студенческого хоккея: густые пшеничные волосы, которые всегда лежали в художественном беспорядке, фирменная белозубая ухмылка, от которой первокурсницы теряли трусы еще на подходе к ледовой арене, и зеленые глаза с вечным прищуром хитрого лиса. Но я знал Броди с первого курса. За этой солнечной, беззаботной оболочкой скрывался самый расчетливый игровой ум в нашей конференции и друг, который без лишних слов пойдет с тобой в рукопашную против пятерых.

— Оставь свои двадцать баксов при себе, Донован, — Броди даже не оторвал взгляда от экрана, уводя своего виртуального нападающего в отрыв и забивая Мэтту шайбу в девятку под возмущенный стон вратаря. — У Мерсера не процессор завис. У него симптомы сотрясения после встречи с прекрасным. Как прошла твоя музыкальная терапия, братан? Вы уже разучили «Собачий вальс» в четыре руки?

Я бросил пустую бутылку в картонную коробку у ножки стола — стекло глухо звякнуло о другие пустые емкости — и потер ладонью затылок. Черный кинезио-тейп на костяшках правой руки неприятно стягивал кожу при сгибании пальцев.

— Заткнись, Каллахан, — беззлобно буркнул я. — И передай мне нормальное пиво из холодильника, если не хочешь завтра на раскатке собирать свои зубы в краги.

Броди рассмеялся, отложил джойстик и, поднявшись с кресла, направился к барной стойке, отделявшей гостиную от кухни.

— Нет, серьезно, Коул, — он открыл дверцу холодильника, достал две запотевшие бутылки светлого лагера и, вернувшись, протянул одну мне, а сам оперся бедром о спинку кресла, внимательно разглядывая мою правую руку. — Я смотрю, ты сегодня даже тейп на костяшки намотал. Ты же никогда в жизни не заклеивал руки после драк, говорил, что так быстрее сохнет. Что случилось? Призрак с факультета искусств боится вида крови?

Я с силой провернул крышку на горлышке бутылки — металл скрипнул и поддался — и сделал большой глоток холодного, горьковатого пива, не глядя на Броди.

Проблема с лучшими друзьями заключается в том, что они знают тебя слишком хорошо. Броди не нужно было быть доктором Вэнсом с медицинского факультета, чтобы сложить два и два.

— Она не Призрак, — жестко сказал я, глядя на блики от телевизора на темном стекле бутылки. — Хватит её так называть. У неё есть имя.

В гостиной повисла короткая, выразительная пауза. Мэтт даже поставил игру на паузу и медленно повернул голову через плечо, переводя озадаченный взгляд с меня на Броди.

Капитан приподнял одну светлую бровь, сделал медленный глоток из своей бутылки и тихо свистнул.

— Ого, — протянул Броди, и его фирменная ухмылка вдруг стала гораздо серьезнее. — Значит, слухи, которые мне сегодня после обеда принесла на хвосте половина женской сборной по волейболу, не врут? Ты реально в понедельник шел с Авророй Винсли через весь кампус, тащил её рюкзак и прикрывал её спиной от парней с легкой атлетики?

— Там был сильный ветер, — процедил я сквозь зубы, чувствуя, как начинают гореть скулы. — А рюкзак у неё весил как мешок с цементом. Декан сказал мне не злить куратора, я выполнял инструкцию тренера. Точка.

— Конечно-конечно, — с деланным согласием закивал Мэтт, поворачиваясь обратно к телевизору. — Чисто по инструкции Дженкинса. Помню, в прошлом году, когда меня заставили отрабатывать штрафные часы в ботаническом саду, я тоже таскал за кураторшей лейки и рычал на всех, кто проходил ближе чем на три метра. Обычное дело для «Титанов».

Я хотел запустить в затылок Мэтта диванной подушкой, но в этот момент входная дверь нашего дома открылась без стука — мы редко запирали её по вечерам, когда были внутри, — и по деревянному полу прихожей звонко, ритмично зацокали высокие шпильки.

Запах духов долетел до гостиной раньше, чем появилась их хозяйка. Тяжелый, сладкий, удушливый шлейф ванильной орхидеи и дорогого мускуса, который за последний год въелся в обивку салона моего пикапа и наволочки в моей спальне.

Бекка Митчелл.

Она вплыла в арку гостиной так, словно этот дом принадлежал ей по праву рождения. Длинные, идеально выпрямленные платиновые волосы рассыпались по плечам кремового кашемирового пальто, которое она тут же небрежно скинула на спинку свободного кресла. Под пальто на ней было короткое, обтягивающее как вторая кожа черное трикотажное платье с глубоким вырезом и высокие замшевые сапоги выше колена. В руках она держала бумажный пакет из круглосуточной пекарни и бутылку моего любимого бурбона.

— Привет, мальчики, — промурлыкала она грудным, идеально поставленным голосом королевы сестринства «Дельта», одарив Броди и Мэтта быстрой дежурной улыбкой, а затем её ярко-карие, подведенные темными стрелками глаза впились прямо в меня. — Господи, Коул, я звонила тебе три раза со вторника. Ты что, утопил телефон в ледовой заливке?

Броди и Мэтт мгновенно переглянулись с видом двух саперов, обнаруживших часовой механизм на последней секунде отсчета.

— О, смотрите-ка, половина десятого! — театрально громко объявил Броди, хлопая ладонями по коленям и поднимаясь. — Нам с Мэттом как раз пора наверх, разобрать видеозаписи большинства «Северного Мичигана». Приятного вечера, Бекс!

— Да, точно, большинство «Мичигана» само себя не разберет, — тут же подхватил Мэтт, буквально в прыжке выключая консоль и хватая со стола коробку с остатками пиццы.

Через пять секунд оба предателя уже грохотали кроссовками вверх по деревянной лестнице на второй этаж, оставляя меня одного в гостиной.

Я не шевелился, продолжая сидеть на диване и глядя на Бекку снизу вверх.

Мы с Беккой спали друг с другом с прошлой весны. Не встречались — я обозначил границы в первую же ночь после закрытия прошлого сезона, когда мы оказались в одной постели на вечеринке у «Дельты». Никаких свиданий, никаких знакомств с родителями, никаких совместных завтраков и клятв в верности. Только секс, когда обоим этого хочется, и статус самой горячей неофициальной пары кампуса, который Бекку устраивал на все сто процентов, потому что капитанша черлидерш и самый опасный защитник хоккейной сборной смотрелись вместе как обложка глянцевого журнала.

Раньше, когда она приходила вот так среди недели в этих своих сапогах и с бутылкой бурбона, мое тело реагировало на автомате: я просто брал её за бедра, вел наверх в свою комнату, и мы тратили два часа на то, чтобы выбить друг из друга напряжение.

Сейчас я смотрел на её идеальные ноги, на глубокое декольте, на пухлые губы, покрытые глянцевым вишневым блеском, — и внутри меня не шевелилось ровным счетом ничего. Пустота. Глухой лед.

Более того, вид этого липкого блеска на её губах вызвал во мне глухое раздражение, потому что перед глазами тут же всплыли совсем другие губы — чистые, без единой капли косметики, плотно сжатые и прикушенные изнутри справа, когда их хозяйка решает задачу по физике.

— Они у тебя как дрессированные, — Бекка рассмеялась, подошла к дивану, поставила пакет и бурбон на столик рядом с моими ботинками и без приглашения опустилась мне прямо на колени, закидывая ухоженные руки с длинным красным маникюром мне на шею.

От её духов у меня мгновенно заныло в висках. Раньше я этого не замечал, но теперь этот запах казался мне химическим оружием по сравнению с тихим, едва уловимым ароматом ромашки, старой бумаги и осеннего дождя, которым пахли волосы Авроры.

— Бедный мой мальчик, — Бекка провела ладонью по моей щеке, осторожно касаясь кончиками пальцев желто-лилового синяка под левым глазом, и надула губы. — Я слышала, что случилось в воскресенье в том ужасном баре. И Дженкинс сегодня гонял вас на льду как проклятых… Тебе нужно расслабиться, Коул. Я всю неделю скучала.

Она наклонилась и прижалась губами к моей шее чуть ниже челюсти, одновременно начиная медленно расстегивать молнию на груди своего трикотажного платья и ерзать бедрами по моим джинсам.

Еще в субботу я бы уже сжал её талию и опрокинул на спину прямо на этот диван.

Но сегодня, когда её острые красные ногти скользнули по моему затылку, а влажные губы коснулись кожи, меня передернуло от острого, почти физического отторжения. Мне не хотелось её трогать. Мне вообще не хотелось, чтобы на мне сейчас сидел кто-то, кто без умолку трещит, пахнет парфюмерной фабрикой и ждет от меня привычного животного шоу.

Я поднял обе руки, твердо перехватил Бекку за талию и, приподняв, пересадил со своих колен на соседнюю подушку дивана.

А сам встал на ноги, отходя к каминной полке и создавая между нами три метра спасительного пространства.

Бекка замерла на диване с полурасстегнутой молнией на груди. На её красивом, кукольном лице сначала отразилось искреннее недоумение, а затем — холодная, колючая злость женщины, которой никогда в жизни не отказывали.

— Это что сейчас было, Мерсер? — её мурлыкающий тон мгновенно испарился, став резким и визгливым. — У тебя что, не только скула отбита после бара?

— Я устал, Бекка, — ровно сказал я, поворачиваясь к ней лицом и опираясь плечом о кирпичную кладку камина. — У меня завтра в семь утра лед и зал, а вечером куча дерьма по учебе. Я сегодня не в настроении. Тебе лучше поехать к себе в сестринство.

Глаза Бекки сузились. Она медленно застегнула молнию на платье до самого верха, скрестила руки на груди и откинулась на спинку дивана, окидывая меня цепким, рентгеновским взглядом с головы до ног.

— Не в настроении? — процедила она с ядовитой усмешкой. — Коул Мерсер не в настроении трахаться после двух дней воздержания? Кому ты врешь? Или ты думаешь, до меня не доходят сплетни с южного кампуса?

Внутри меня что-то холодно и опасно щелкнуло. Я не изменился в лице, только пальцы правой руки непроизвольно сжались в кулак, натягивая черный тейп на сбитых костяшках.

— О чем ты говоришь?

— О твоей новой игрушке для битья… то есть для учебы! — Бекка вскочила с дивана на своих шпильках, подходя ко мне на шаг и тыча наманикюренным пальцем в мою грудь. — Девчонки из моей группы видели тебя в понедельник у библиотеки и сегодня возле корпуса искусств с этой фрик-шоу Винсли! С немой сумасшедшей, которая год назад угробила свою подружку в канаве и теперь строит из себя жертву! Скажи мне, что это просто приказ тренера и ты не опустился до того, чтобы зажиматься по углам с городской калекой из жалости!

Воздух в гостиной мгновенно вымерз до абсолютного нуля.

Если бы Бекка была парнем, она бы уже лежала на полу рядом с журнальным столиком без сознания.

Я сделал один медленный, беззвучный шаг вперед, сокращая дистанцию между нами до нескольких сантиметров. Мне не нужно было повышать голос или замахиваться — я просто посмотрел на неё сверху вниз тем самым взглядом, от которого на льду пятились назад стокилограммовые защитники.

Бекка осеклась на полуслове и инстинктивно отшатнулась назад, наткнувшись икрами на край дивана. Краска схлынула с её напудренных щек. Она никогда раньше не видела меня таким вблизи — с ней я всегда был ленивым, равнодушным и снисходительным.

— Послушай меня внимательно, Бекка, — мой голос прозвучал пугающе тихо, ровно и сухо, как хруст ломающегося под коньком тонкого льда. — Во-первых, мы с тобой никогда ничего друг другу не обещали. То, что было между нами, закончилось ровно пять минут назад. Навсегда. Не приходи больше в этот дом без приглашения и не звони мне по ночам.

— Коул, ты что, с ума сошел из-за одной фразы… — попыталась вставить она, но её голос дрогнул.

— Во-вторых, — я не дал ей договорить, наклоняясь чуть ниже к её побледневшему лицу, — и это самое главное: если я еще хотя бы один раз услышу от тебя или от твоих куриц из «Дельты» слово «немая», «сумасшедшая» или «калека» в адрес Авроры Винсли… клянусь Богом, ты пожалеешь, что вообще поступила в этот университет. Ты меня услышала?

Бекка смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых шок стремительно смешивался с бешеной, униженной ненавистью. Её нижняя губа в вишневом блеске мелко задрожала от ярости. Никто не смел отшивать Бекку Митчелл, а уж тем более — заступаться перед ней за какую-то серую тень в растянутом свитере.

Она не сказала ни слова. Резко развернулась, схватила с кресла свое кашемировое пальто, едва не уронив при этом пакет со стола, и, яростно стуча каблуками по паркету, вылетела в прихожую.

Входная дверь захлопнулась с таким чудовищным грохотом, что с потолка в коридоре посыпалась побелка, а стекла в серванте жалобно зазвенели.

Я остался стоять посреди гостиной, тяжело дыша через нос и глядя на закрытую дверь.

Через полминуты наверху лестницы осторожно скрипнула половица, и над перилами показалась взъерошенная светлая макушка Броди.

— Торнадо ушло в сторону залива? — негромко поинтересовался капитан, спускаясь на пару ступенек вниз.

Я молча подошел к столику, взял принесенную Беккой нераспечатанную бутылку дорогого бурбона и закинул её вверх Броди, который ловко поймал её одной рукой.

— Можешь забрать себе и Доновану за моральный ущерб, — бросил я, направляясь к лестнице. — Я спать.

— Эй, Мерсер, — Броди остановил меня на середине лестничного пролета, когда мы поравнялись друг с другом. В его зеленых глазах больше не было ни грамма привычного стеба — только серьезная, понимающая тревога лучшего друга. — Ты только что нажил себе очень мстительного врага в лице королевы улья. И всё это из-за девчонки, с которой ты знаком три дня и которая даже не может сказать тебе «спасибо»? Ты уверен, что знаешь, во что ввязываешься?

Я остановился на ступеньке, глядя поверх плеча Броди в темное окно коридора второго этажа, за которым в свете фонаря качались голые ветви кленов.

Знал ли я, во что ввязываюсь? Ни черта я не знал. Я знал только то, что сегодня в четыре часа дня в пустой аудитории под гул низких частот я держал в руке тонкое запястье Авроры Винсли и впервые за долгие годы после смерти матери не чувствовал себя одиноким куском льда.

— Спокойной ночи, Каллахан, — тихо сказал я, похлопав друга по плечу, и ушел в свою комнату, запирая за собой дверь.

Глава 8. Аврора

В пятницу днем я сделала то, чего не делала со дня аварии: я струсила и спряталась в толпе.

После того как в среду Коул Мерсер прижал меня к лабораторному столу в пустой аудитории А-02 и посчитал мой пульс подушечкой своего большого пальца, оставаться с ним один на один в закрытых цокольных помещениях было равносильно добровольному прыжку с крыши. Мое правое запястье под манжетом темного кардигана всё еще помнило хватку его горячих, шершавых пальцев. Мне казалось, что если я закатаю рукав, то увижу на бледной коже пять выжженных темных полос, как нотный стан, на котором этот невыносимый хоккеист написал свою собственную партию.

Поэтому для нашего третьего занятия я выбрала самое людное, самое освещенное и самое безопасное место на третьем этаже научной библиотеки — общий читальный зал имени профессора Гранта.

Здесь не было укромных альковов и спасительных книжных стеллажей, за которыми можно было бы зажать репетитора в акустический узел. Огромное, залитое белым светом осеннего неба пространство напоминало неф собора: двадцать длинных дубовых столов в два ряда, за которыми перед пятничными семинарами сидело не меньше сотни студентов с разных факультетов. Слышался непрерывный, убаюкивающий шелест переворачиваемых страниц, тихий стук клавиш десятков ноутбуков и редкое покашливание библиотекаря за кафедрой выдачи у входа.

Мы сидели за крайним столом у центральной колонны уже сорок минут.

Коул сегодня был странно молчалив и сосредоточен. На нем была простая белая футболка, поверх которой была наброшена расстегнутая черная спортивная куртка «Титанов» с серебряным номером «13» на правомрукаве. Синяк под его левым глазом почти сошел, оставив лишь легкую желтоватую тень на острой скуле, а костяшки правой руки всё так же были затянуты в свежие полоски черного кинезио-тейпа.

Он не пытался нарушить мои границы. Не шутил про пение, не наклонялся ко мне через стол и не касался моих рук, когда передавал исписанные листы с расчетами. Он просто решал задачи по дифракции звука одну за другой, подперев тяжелый подбородок кулаком левой руки и глядя в мою тетрадь из-под густых темных ресниц.

И почему-то эта его сдержанность действовала на мои нервы в десять раз разрушительнее, чем его напор в среду.

Потому что каждый раз, когда я поднимала глаза от своего конспекта, чтобы проверить его формулу, я натыкалась на его взгляд. Он не смотрел в учебник. Он смотрел на меня. Спокойно, тяжело, не отрываясь, словно изучал каждую черточку моего лица — от шрама у виска до того, как я нервно кручу черную гелевую ручку между пальцами. В его серых глазах плескалось такое густое, темное понимание того, *почему* я сегодня вытащила нас в общий зал на глазах у сотни свидетелей, что у меня под ребрами становилось тесно от нехватки воздуха.

Он знал, что я сбежала от него в среду. И он терпеливо ждал, пока я сама сделаю следующий шаг.

Я резко опустила голову, придвинула к себе пачку желтых стикеров, быстро написала замечание по его графику и приклеила листок поверх его чертежа:

«Угол рассеивания на высоких частотах меньше, чем на низких. Перечерти правый сектор и не смотри на меня так, будто собираешься проверить мой пульс снова».

Я прикусила внутреннюю сторону губы, тут же пожалев о второй половине фразы, но отрывать стикер обратно было уже поздно.

Коул опустил взгляд на желтый квадратик. По его губам скользнула медленная, ленивая полуулыбка, от которой затянувшаяся ранка в уголке рта чуть натянулась. Он взял свою ручку и прямо на моем стикере, чуть ниже моих острых букв, размашисто приписал:

«Мне не нужно трогать твое запястье, чтобы знать твой пульс, Птичка. У тебя жилка на шее бьется так, что видно с синей линии».

Я мгновенно, совершенно рефлекторно втянула голову в плечи и натянула воротник своего объемного кардигана до самого подбородка, закрывая шею, чем вызвала у Мерсера тихий, глухой смешок в груди.

Именно в эту секунду тяжелые двустворчатые двери читального зала в двадцати метрах от нас распахнулись.

Они не просто открылись — их толкнули с такой бесцеремонной уверенностью, что тихий библиотечный гул мгновенно дал трещину. По натертому паркету центрального прохода, нарушая священное безмолвие храма науки, застучали каблуки. Три пары дорогих сапог, отбивающих четкий, синхронный ритм, который я узнала бы даже с закрытыми глазами.

Так по кампусу ходили только девушки из элитного сестринства «Дельта».

Я подняла взгляд от тетради и увидела их.

Впереди, как флагманский крейсер, шла Бекка Митчелл — живая легенда университетских соцсетей и бессменный капитан группы поддержки. Идеально уложенные платиновые локоны блестели под светом люстр, короткая плиссированная юбка в клетку открывала бесконечные загорелые ноги, а поверх белого кашемирового свитера была накинута куртка с золотыми буквами её сестринства. По бокам от неё, как две телохранительницы с одинаковыми стаканчиками айс-латте в руках, вышагивали её верные тени — Хлоя и Эшли.

Десятки голов за соседними столами тут же повернулись в их сторону. Бекка Митчелл в научной библиотеке в пятницу в пять часов вечера выглядела так же противоестественно, как розовый фламинго во льдах Арктики.

Но она пришла сюда не за книгами. В её руках не было даже сумочки, а ярко-карие, густо подведенные глаза с первой же секунды были нацелены ровно в наш угол. На стол у центральной колонны.

Я почувствовала, как сидящий напротив меня Коул мгновенно изменился.

Вся его расслабленная, ленивая грация исчезла за долю секунды. Его широкие плечи под черной курткой каменели, спина выпрямилась, а лицо превратилось в ту самую холодную, непроницаемую гранитную маску, которую я видела в первые минуты нашего знакомства. Он медленно положил ручку на стол и откинулся на спинку стула, встречая приближение блондинки тяжелым, немигающим взглядом.

Бекка остановилась прямо у торца нашего стола, опершись ухоженной ладонью с кроваво-красным маникюром о дубовую столешницу. В наш угол тут же хлынул удушливый, приторно-сладкий запах её ванильно-мускусных духов, который полностью перебил запах старой бумаги и осеннего дождя.

— Надо же, — голос Бекки прозвучал звонко, на две октавы выше и в три раза громче, чем допускали правила любого читального зала. Она специально не понижала тон, работая на публику за соседними столами, где студенты уже начали снимать наушники и с жадным любопытством поворачивать головы в нашу сторону. — Значит, это правда. Коул Мерсер в пятницу вечером пропускает командный сбор в баре, чтобы учить уроки. Я думала, Броди просто неудачно пошутил.

Коул даже не шелохнулся. Он смотрел на неё снизу вверх с таким ледяным безразличием, от которого мне самой стало не по себе.

— Тебе что-то нужно в библиотеке, Бекка? — тихо и ровно спросил он. — Раздел с журналами мод на первом этаже у входа.

Пальцы Бекки на краю стола побелели от того, как сильно она вдавила красные ногти в лакированное дерево. Улыбка на её глянцевых губах стала натянутой и хищной. Она медленно перевела свой взгляд с Коула на меня.

Меня словно облили кипятком с головы до ног. В её карих глазах не было привычной для кампуса брезгливой жалости, которую я ненавидела. Там была чистая, незамутненная, ядовитая ненависть женщины, у которой кто-то посмел отнять её любимую статусную вещь. Она окинула меня взглядом от старых армейских ботинок под столом до растянутого темного кардигана и растрепанного пучка волос, в котором торчал простой карандаш, и презрительно фыркнула.

— Так вот на что ты променял вечер среды, Коул? — она кивнула в мою сторону, даже не пытаясь скрыть отвращение в голосе, а её подружки за спиной синхронно захихикали, прикрывая рты стаканчиками с кофе. — Серьезно? Я понимаю, тренер заставил тебя отрабатывать часы с убогими, но таскаться за ней всю неделю как привязанный… У тебя что, проснулся синдром матери Терезы к местным калекам? Или тебе просто наконец-то попалась девчонка, которая физически не может сказать тебе «нет» и пожаловаться, даже если ты её вышвырнешь?

В читальном зале имени профессора Гранта наступила мертвая, звенящая тишина.

Прекратился стук клавиш ноутбуков. Замерли в воздухе переворачиваемые страницы. Сотня пар глаз за двадцатью столами впилась в наш угол, жадно ловя каждое слово публичной казни.

Внутри меня всё оборвалось и рухнуло куда-то в бездонную ледяную шахту.

Кровь отхлынула от лица так резко, что кончики пальцев онемели, превратившись в ледышки, а в ушах зашумел знакомый, глухой прибой паники. *«Местная калека… не может сказать "нет"…»*. Слова Бекки били точно в те самые открытые, незаживающие раны, которые я год прятала под слоями грубой ткани и колючих записок.

Но больнее всего было другое. То, о чем говорили с Зои в среду утром. Значит, они с Коулом спали. Значит, в среду вечером, сразу после того, как он держал меня за запястье в аудитории А-02 и считал мой пульс, к нему приходила эта ослепительная, громкая, полноценная девушка, а я для него действительно была лишь обязательной повинностью от деканата и экзотическим аттракционом на пару недель.

Я резко опустила взгляд в стол, чтобы никто в этом проклятом зале не увидел, как задрожали мои ресницы. Мои руки сами собой, рывком начали сгребать со стола учебники и блокнот, прижимая их к груди. Мне нужно было уйти. Немедленно. Выбежать отсюда в коридор, на лестницу, под холодный дождь — куда угодно, лишь бы не сидеть под этим перекрестным огнем чужих глаз и смешков.

Я уже рванулась назад, отодвигая тяжелый стул с противным скрипом ножек по паркету, когда Коул поднялся со своего места.

Он встал не резко — медленно, плавно, разворачиваясь во весь свой почти двухметровый рост, но в этом движении было столько темной, концентрированной угрозы, что две подружки Бекки за её спиной непроизвольно сделали шаг назад, расплескав кофе на крышки стаканчиков.

Коул даже не посмотрел на них. Он шагнул к торцу стола, становясь между мной и Беккой Митчелл живой бетонной стеной, полностью отрезая меня от её взгляда и от взглядов половины читального зала.

— Я предупреждал тебя в среду, Бекка, — голос Коула прозвучал совсем тихо. Он не кричал — в этой мертвой тишине библиотеки его низкий, хриплый баритон разнесся по рядам, как раскат далекого грома перед бурей. — Я сказал тебе, что будет, если ты еще раз откроешь свой рот в её сторону.

Бекка вздернула подбородок, пытаясь сохранить лицо королевы перед затихшей аудиторией, хотя по тому, как дрогнули её плечи под кашемировым свитером, было видно, что ей страшно.

— И что ты мне сделаешь, Мерсер? — с фальшивой бравадой выплюнула она. — Ударишь меня, как тех парней в баре? Давай, тут сто свидетелей! Тебя вышвырнут из команды раньше, чем ты дойдешь до раздевалки! Я ведь просто называю вещи своими именами! Все в кампусе знают, что она ненормальная, которая после той ночи на девятом шоссе…

— Закрой пасть, — оборвал её Коул.

Всего два слова, произнесенные почти шепотом, но от интонации, с которой он их выдохнул, у меня самой по спине прошел мороз.

Коул наклонился к Бекке так близко, что ей пришлось откинуть голову назад.

— Мне не нужно тебя бить, Митчелл, — тихо, чеканя каждый слог так, чтобы это слышал весь первый ряд столов, произнес он. — Мне достаточно прямо сейчас позвонить твоему отцу в совет попечителей и переслать ему видео с регистратора моей машины с прошлой весны, где его идеальная дочка на парковке у стадиона кое-что делает на капоте пикапа капитана футбольной сборной перед благотворительным балом. А копию отправить в деканат и совет твоего сестринства. Хочешь проверить, кого из нас двоих отчислят из университета быстрее — меня или тебя?

Лицо Бекки Митчелл за одну секунду изменилось с розового на мертвенно-бледное, а затем пошло багровыми пятнами. Её рот беззвучно открылся и закрылся, как у выброшенной на берег рыбы. За соседними столами кто-то громко ахнул, а пара парней на заднем ряду тут же потянулась за телефонами.

— Ты… ты ублюдок, Мерсер, — прошипела она сорвавшимся, дрожащим от унижения голосом, отступая от стола на заплетающихся ногах. — Ты пожалеешь об этом. Вы оба пожалеете!

Она резко развернулась и, больше не глядя по сторонам, почти бегом бросилась к выходу из читального зала, сопровождаемая перепуганными подружками. Тяжелые двери захлопнулись за ними, отрезая стук их каблуков.

В зале повисла оглушительная тишина. Никто не смел пошевелиться. Все смотрели на огромную фигуру защитника под номером тринадцать.

Коул медленно обвел взглядом ближайшие ряды столов.

— Представление окончено, — холодно бросил он в зал. — Уткнулись в свои конспекты, если не хотите сдать сессию экстерном в травматологии.

Шестьдесят голов синхронно, со скоростью света опустились вниз к книгам и экранам ноутбуков. Застучали клавиши, зашелестели страницы — все отчаянно делали вид, что ничего не видели и не слышали.

И только тогда Коул повернулся ко мне.

Я стояла у своего стула, вжавшись бедром в край стола и судорожно прижимая к груди стопку учебников, поверх которых лежала пачка желтых стикеров. Меня трясло — мелко, противно, изнутри, от избытка чужого внимания, от яда слов Бекки и от того первобытного страха, который всегда накрывал меня при упоминании девятого шоссе.

Вся страшная, ледяная ярость, которая еще секунду назад клокотала в глазах Коула, при взгляде на меня мгновенно погасла. Его лицо смягчилось, а между бровей пролегла глубокая, болезненная складка.

Он не стал ничего спрашивать здесь, под прицелом сотни ушей.

Он просто протянул руку, молча, не спрашивая разрешения, забрал из моих онемевших пальцев тяжелую стопку учебников, одним движением сгреб со стола наши тетради и пенал, закинул всё это в мой рюкзак и повесил его себе на плечо вместе со своей спортивной сумкой.

А затем его правая ладонь — та самая, с черными полосками тейпа на разбитых костяшках — опустилась и крепко, уверенно сжала мою холодную кисть, переплетая свои длинные, горячие пальцы с моими.

— Пошли отсюда, Птичка, — тихо сказал он.

Я даже не попыталась выдернуть руку. В тот момент его ладонь была единственным якорем, который удерживал меня от того, чтобы не рассыпаться на тысячи осколков прямо посреди этого проклятого зала.

Я опустила голову, пряча лицо за распущенными каштановыми волосами, и позволила Коулу Мерсеру вывести меня за руку через весь читальный зал, сквозь строй опущенных глаз, прочь из библиотеки в сырые осенние сумерки.

Он остановился только тогда, когда мы спустились по боковой пожарной лестнице на безлюдный задний двор между зданием библиотеки и старой оранжереей, куда никогда не забредали студенты.

Здесь пахло мокрой корой старых вязов, прелой листвой и холодным туманом, поднимающимся от земли. Высокая кирпичная стена, увитая почерневшим диким виноградом, надежно скрывала нас от главной аллеи и окон учебных корпусов.

Коул сбросил обе сумки на деревянную скамью под навесом и развернулся ко мне, всё еще не выпуская моей руки.

Только сейчас я поняла, насколько сильно сжимала его пальцы в ответ — мои ногти буквально впились в кожу его ладони. Я резко разжала кисть, делая шаг назад и упираясь лопатками в холодную кирпичную кладку стены, и обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

Коул шагнул следом, останавливаясь в полуметре передо мной и заслоняя меня от сырого ветра своим широким корпусом.

— Посмотри на меня, Аврора, — тихо попросил он.

Впервые за три дня он назвал меня по имени. Не «Винсли», не «Птичка», не «профессор». *Аврора*. Из его уст это имя прозвучало так глубоко и бережно, будто он боялся уронить его на камни.

Я медленно подняла на него глаза. В горле стоял тугой, раскаленный ком. Мне было невыносимо стыдно за свою слабость, за то, что ему пришлось защищать меня от своей же бывшей любовницы, вываливая грязное белье на весь факультет.

Я полезла в карман кардигана за блокнотом и ручкой, чтобы написать ему, что всё в порядке, что мне плевать на Бекку Митчелл и что нам нужно идти в Центр адаптации отрабатывать часы.

Но едва я достала блокнот и щелкнула кнопкой ручки, как Коул протянул обе руки и аккуратно, но непреклонно накрыл мои кисти своими ладонями, опуская их вниз и не давая мне писать.

— Не надо бумажек, — глухо произнес он, глядя прямо в мои глаза с такой пронзительной прямотой, от которой у меня перехватило дыхание. Его большие пальцы медленно, успокаивающе гладили тыльную сторону моих ледяных ладоней, согревая их своим жаром. — Послушай меня сейчас. Во-первых, между мной и Беккой всё кончено. Между нами вообще никогда ничего не было, кроме пустого трепа и койки по выходным, и в среду вечером я выставил её из своего дома навсегда. Я не оправдываюсь перед тобой, Винсли, но я хочу, чтобы ты это знала.

Мое сердце глухо ударилось о ребра. *В среду вечером он выставил её из своего дома.* Сразу после нашего занятия в аудитории А-02. Значит, именно поэтому она сегодня примчалась сюда с пеной у рта.

— А во-вторых, — голос Коула стал еще ниже, почти шепотом, и он шагнул еще ближе, так, что полы его расстегнутой куртки коснулись моих боков, заключая меня в теплый кокон, пропахший мятой и грозой, — мне плевать, что говорит эта дура и что шепчет за спиной

весь этот чертов кампус. Ты слышала меня? Ты — самый сильный и самый смелый человек, которого я встречал в этом прогнившем месте. И если еще хоть одна тварь попробует открыть на тебя рот, я не посмотрю ни на Дженкинса, ни на драфт.

Я смотрела на него снизу вверх, чувствуя, как в глазах предательски защипало от непрошеных слез, которых я не позволяла себе уже много месяцев.

Почему он это делает? Почему парень, от которого ждут только жестокости и разбитых лиц, стоит сейчас передо мной в сыром переулке, греет мои руки в своих заклеенных тейпом ладонях и говорит мне слова, которых я не слышала с тех пор, как закрылась крышка гроба Хлои?

Не в силах выдержать этот взгляд, я высвободила одну руку из его захвата, но не для того, чтобы оттолкнуть его.

Мои дрожащие пальцы сами собой поднялись вверх и осторожно, едва ощутимо коснулись полосок черного кинезио-тейпа на его правой руке, а затем я перевернула блокнот в левой ладони, прижала его к груди Коула, как к подставке, и быстро написала всего одну строчку, не поднимая головы:

«Зачем ты всё это устроил при всех, Мерсер? Она же не отстанет от тебя теперь».

Коул посмотрел вниз на мою запись на своей груди. Затем его свободная рука поднялась, и он осторожно, кончиками двух пальцев подцепил меня за подбородок, заставляя снова поднять лицо.

— Пусть попробует, — тихо сказал он, и его большой палец на долю секунды, почти невесомо мазнул по моей нижней губе, стирая невидимую дрожь. — Идем в твой Центр, Птичка. У нас с тобой еще сорок шесть часов в табеле, и я не собираюсь тратить ни минуты из них на мысли о ком-то, кроме тебя.

Глава 9. Коул

Кабинет доктора Элиаса Вэнса на третьем этаже университетского медицинского центра выглядел так, будто его проектировали специально для того, чтобы усыплять буйных носорогов.

Никаких белых халатов, больничных кушеток или пугающих плакатов со строением коры головного мозга. Стены были выкрашены в мягкий, болотно-шалфейный оттенок, на полу лежал пушистый бежевый ковер, скрадывающий шаги, а в углу на низком столике из светлого ясеня тихо, монотонно журчал декоративный каменный фонтанчик. Пахло здесь сандаловым деревом, зеленым чаем с жасмином и беспросветной скукой.

Было ровно семь часов вечера пятницы.

Полчаса назад я проводил Аврору от Центра адаптации до самого крыльца её общежития на южной стороне кампуса, убедился, что за ней закрылась массивная входная дверь с магнитным замком, и только после этого отправился отбывать вторую часть своего дисциплинарного приговора.

Сейчас я сидел в глубоком велюровом кресле, которое казалось слишком тесным и мягким для моих габаритов, скрестив длинные ноги в лодыжках и упершись локтями в подлокотники.

Напротив меня, закинув ногу на ногу, располагался сам доктор Вэнс — сухощавый мужчина лет сорока пяти с аккуратной проседью на висках, в темно-синей водолазке и очках без оправы. На его коленях лежал кожаный планшет с листами бумаги, но за последние двадцать минут он не написал там ни единой строчки.

В кабинете висела тишина, нарушаемая только бульканьем чертова фонтанчика, от которого мне почему-то хотелось вырвать провод из розетки, и мерным тиканьем настенных часов.

— Итак, Коул, — голос Вэнса был спокойным, бархатистым, без единой резкой ноты. — Прошло двадцать две минуты нашего первого сеанса. За это время ты успел посчитать количество трещин на потолочном плинтусе, трижды проверить время на телефоне и оторвать край тейпа на среднем пальце правой руки. Но не произнес ни слова с тех пор, как поздоровался. Тренер Дженкинс предупреждал меня, что ты не фанат разговоров по душам.

Я перевел тяжелый взгляд с окна, за которым в вечерней темноте зажигались огни студенческого городка, на лицо мозгоправа.

— Тренер Дженкинс сказал мне прийти сюда, сесть в это кресло и не хамить вам в течение сорока пяти минут, чтобы получить подпись в бегунке, — ровно ответил я. — Про то, что я обязан исповедоваться вам в детских грехах, в уставе лиги ни слова не написано, док.

Вэнс не разозлился и даже не нахмурился. Напротив, уголки его губ чуть заметно приподнялись. Он снял очки, положил их поверх планшета и сцепил пальцы в замок.

— Fair enough. Справедливо, — кивнул он. — Я работал со спортивным департаментом восемь лет, Коул. Через это кресло прошла половина вашей хоккейной и футбольной сборных. И поверь мне, все вы начинаете примерно с одной и той же речи. Вы привыкли, что любая проблема решается через преодоление физической боли или силовое давление на противника. Если болит мышца — нужно закачать её в зале. Если кто-то мешает на пятачке — нужно впечатать его в борт. Проблема в том, что психика так не работает.

Я криво усмехнулся, глядя на свои руки. Черный кинезио-тейп на правой кисти действительно немного отклеился с краю — там, где полтора часа назад на заднем дворе библиотеки его коснулись ледяные, тонкие пальцы Авроры.

От одного этого воспоминания внутри грудной клетки мгновенно разлилось густое, тяжелое тепло, вытесняющее больничный холод кабинета.

Я всё еще чувствовал, как её маленькая ладонь сжимала мою руку, когда мы шли сквозь тот строй притихших сплетников в читальном зале. Она держалась за меня так, будто вокруг нас бушевал открытый океан, а я был единственным куском скалы на сотни миль вокруг. И в то же время, когда мы вышли во двор, в её штормовых глазах не было ни грамма жалости к себе — только беспокойство за *меня*. За то, что Бекка Митчелл не простит мне публичного унижения.

Девчонка, которую только что при сотне человек назвали немой калекой, переживала о том, как это скажется на моей хоккейной статистике.

От мысли о Бекке и её визгливом голосе в библиотеке челюсти снова свело судорогой, а мышцы на предплечьях напряглись так, что под кожей вздулись вены.

— О чем ты сейчас подумал, Коул? — негромко спросил Вэнс, внимательно наблюдая за мной.

Я моргнул, понимая, что вцепился пальцами в велюровую обивку подлокотников с такой силой, что побелели суставы. Я медленно разжал ладони.

— Ни о чем. О завтрашней игре.

— Твой пульс участился, дыхание стало поверхностным, а правое плечо ушло вперед и вверх — классическая микрореакция тела перед нанесением удара, — спокойно констатировал психолог. — В рапорте тренера Дженкинса написано, что в воскресенье ночью в баре ты подрался с пятью игроками университета Сент-Джуд. При этом первые десять минут ты сидел за стойкой спокойно, игнорировал их шутки про судейство и даже собрался уходить, оставив деньги на столе. Это есть на камерах наблюдения. Я смотрел запись.

Я прищурился, глядя на него. Дженкинс слил ему даже видео из участка. Отлично.

— Ты контролировал себя, Коул, — Вэнс подался вперед, опираясь локтями о колени. — Ты прекрасно умеешь держать удар, когда задевают тебя лично. Твою игру, твой характер, даже твоего отца, о котором они говорили достаточно громко. Ты развернулся и ударил их капитана только в одну конкретную секунду. Что именно он сказал тебе перед тем, как ты потерял контроль?

В кабинете снова стало тихо. Журчание воды в углу вдруг показалось оглушительным, как водопад.

Перед глазами всплыла перекошенная, пьяная ухмылка рыжего защитника «Сент-Джуда» под тусклой лампой бильярдного стола. *«Даже твоя покойная мамаша, наверное, в гробу переворачивается, глядя, в какого выродка ты…»*

— Он перешел черту, — глухо произнес я, глядя сквозь Вэнса в стену цвета шалфея. Голос стал низким и хриплым. — Есть вещи, которые нельзя трогать грязными руками. Если кто-то пытается пнуть тех, кто не может ответить сам… я не собираюсь стоять и обтекаться, док. Даже если за это дают пять минут штрафа или выгоняют из лиги.

Вэнс смотрел на меня долго, изучающе. В его взгляде не было осуждения, которого я ждал, — только глубокое профессиональное понимание.

— Твоя мама умерла тринадцать месяцев назад, верно? — мягко спросил он. — Онкология. Ты тогда был на втором курсе. А сегодня днем, за два часа до нашего сеанса, по кампусу разлетелась новость о том, что ты устроил довольно жесткий разнос Бекке Митчелл в читальном зале библиотеки, защищая студентку с факультета искусств. Девушку, которая не может говорить.

Я резко вскинул голову. Слухи в этом чертовом университете распространялись быстрее лесного пожара.

— Я никого не тронул пальцем в библиотеке, — отрезал я, чувствуя, как внутри закипает холодная злость. — Если вы хотите пришить мне нарушение режима за разговор на повышенных тонах…

— Я не полицейский и не член дисциплинарного комитета, Коул, — Вэнс поднял ладонь, останавливая меня. — Все, что говорится в этой комнате, остается между этими стенами. В отчете для тренера будет стоять только одна фраза: «Посетил занятие, работает по программе». Меня не интересуют сплетни. Меня интересует закономерность.

Он взял со столика ручку и покрутил её в пальцах.

— Ты всю жизнь живешь под колоссальным давлением своего отца — человека, для которого слабость приравнивается к преступлению. Когда болела и умирала твоя мама, ты не мог её спасти, как бы сильно ни старался и сколько бы шайб ни забивал на льду. Это породило внутри тебя чудовищное, невыплаканное чувство вины и бессилия. И теперь каждый раз, когда ты видишь, что кто-то оскорбляет память твоей матери или обижает кого-то хрупкого, лишенного голоса и защиты здесь и сейчас… у тебя падает забрало. Ты защищаешь их так отчаянно, потому что подсознательно всё еще пытаешься защитить её.

Слова психолога попали под ребра с точностью снайперского выстрела.

Мне вдруг стало тесно в этой мягкой комнате с запахом сандала. Воротник лонгслива начал душить. В памяти непрошено мелькнула палата бостонской клиники год назад — писк кардиомонитора, запах лекарств и тонкая, прозрачная рука матери в моей ладони. *«Не злись на отца, Коул… он просто не умеет иначе… береги свое сердце, сынок».*

И тут же, поверх этой картинки, наложилась другая: бледное лицо Авроры в алькове библиотеки, её огромные серо-зеленые глаза, расширившиеся от ужаса при виде капли крови на белом листе, и тонкий шрам, уходящий в каштановые волосы на виске.

Я сжал челюсти так, что во рту почти появился привкус железа, и посмотрел на часы над головой Вэнса. 19:45.

— Мое время вышло, док, — я поднялся с кресла, закидывая спортивную сумку на плечо. — Увидимся во вторник.

Вэнс не стал меня задерживать. Он лишь спокойно кивнул, делая первую за весь вечер пометку в своем планшете:

— До вторника, Коул. И подумай над одной вещью на выходных: быть чьим-то щитом — это благородно. Но если щит сделан из перекаленной стали, от одного слишком сильного удара он может расколоться сам и поранить того, кого прикрывал.

Когда я вышел из медицинского корпуса, над кампусом висела густая, пропитанная влагой октябрьская темнота. Пятничный вечер вступал в свои права: со стороны студенческих общежитий и улицы братств уже доносился далекий гул басов, смех и рев моторов подъезжающих машин.

К тому моменту, как я дошел до нашего особняка на Элм-стрит, дом уже гудел, как растревоженный улей перед грозой.

Сегодня была традиционная пятничная открытая вечеринка перед субботней домашней игрой. Сами игроки основного состава в такие вечера не пили — максимум одна бутылка легкого пива для вида, потому что завтра в полдень раскатка, а вечером матч, и Дженкинс за перегар на льду сдирал шкуру живьем. Но для остального университета наш дом по пятницам превращался в главный ночной клуб в радиусе двадцати миль.

Лужайка перед крыльцом была заставлена машинами. Из распахнутых окон первого этажа лился неоновый красно-синий свет от светодиодных лент, которые Мэтт с первокурсниками развесил вдоль карнизов, а тяжелые хип-хоп басы сотрясали деревянные ступени веранды так, что дрожали перила.

Я протиснулся сквозь толпу смеющихся девчонок в коротких куртках и парней с красными пластиковыми стаканчиками у входа, на автомате кивая знакомым из футбольной и баскетбольной сборных, и прошел в глубь дома.

В гостиной уже яблоку негде было упасть: посреди зала на сдвинутых столах шел ожесточенный турнир по бирпонгу под улюлюканье толпы, у камина кто-то танцевал в клубах слад-

кого пара от вейпов, а на кухне Броди в расстегнутой на груди темно-синей рубашке стоял у огромного бака со льдом, раздавая напитки и купаясь во внимании сразу трех второкурсниц.

Заметив меня в дверном проеме, капитан тут же передал щипцы для льда кому-то из новичков и пробрался ко мне, хлопнув по плечу.

— Живой после мозгоправа! — проорал Броди мне на ухо, перекрывая грохот музыки. В руке у него была банка обычной газировки. — Я уж думал, Вэнс оставил тебя в смирительной рубашке до утра! Выглядишь так, будто хочешь кого-нибудь сожрать!

— Фонтанчик у него в углу бесит, — буркнул я, забирая из холодильника бутылку минералки. — Зачем вы пустили сюда столько народу сегодня? В прихожей дышать нечем.

— Расслабься, Жнец, это первокурсники отвечали за списки гостей, — Броди широко усмехнулся, облокачиваясь о кухонный остров и окидывая взглядом бурлящую гостиную. — Зато посмотри, какой цветник! Кстати, о птичках… В прямом смысле этого слова. Я на твоем месте сейчас не уходил бы к себе наверх.

Я замер с открученной крышкой бутылки в руке и резко повернул голову к другу.

— О чем ты?

Броди не успел ответить — его зеленые глаза вдруг хитро блеснули, устремившись куда-то за мое плечо, ко входу из прихожей в гостиную, и на губах капитана расплылась самая предвкушающая, хищная улыбка из всех, что я у него видел.

— А вот и пресса пожаловала, — протянул Броди, поправляя воротник рубашки. — И смотри-ка, кого она притащила с собой на буксире в логово зверей.

Я медленно развернулся.

Сквозь плотную, разгоряченную толпу у арки прихожей, под мигающим сине-багровым светом неоновых ламп, пробирались две девушки.

Первой, уверенно расталкивая плечом подвыпивших футболистов, шла невысокая эффектная блондинка в короткой кожаной юбке и обтягивающем бордовом топе — та самая Зои Миллер из студенческой газеты, соседка Авроры по блоку, которая уже несколько недель пыталась взять у Броди интервью с пристрастием.

А прямо за ней, крепко держась за её руку, как за спасательный трос в открытом космосе, шла Аврора.

Мое сердце не просто пропустило удар — оно глухо, тяжело ухнуло вниз и остановилось где-то под горлом.

Я привык видеть её в бесформенных, огромных свитерах и кардиганах, которые скрывали её фигуру от шеи до колен, в библиотечной пыли или полумраке учебных аудиторий.

Сейчас на ней не было свитера.

Видимо, её бойкая соседка приложила к этому руку: на Авроре были узкие черные джинсы с высокой талией, плотно облегающие невероятно стройные, длинные ноги, тяжелые ботинки на шнуровке и простая черная майка на тонких бретельках под расстегнутой на груди клетчатой фланелевой рубашкой темно-зеленого цвета. Густые каштановые волосы не были убраны в пучок — они свободными, мягкими волнами падали на её плечи и спину, блестя в свете неона.

Она остановилась на границе гостиной, оглушенная ревом сабвуферов, запахом алкоголя и сотней чужих голосов. Я видел, как она инстинктивно сжалась, прижимая локти к бокам, как огромные глаза цвета штормового моря испуганно метнулись по переполненной комнате, ища пути к отступлению. В этом шумном, потном, пьяном хаосе она выглядела как дикая лесная птица, которую по ошибке выпустили посреди ревущего сталелитейного цеха.

Броди тут же оттолкнулся от кухонного острова, направляясь прямиком к блондинке:

— Миллер! Какими судьбами в нашей скромной обители разврата? Пришла писать репортаж о моих скрытых талантах?

Я не слышал, что язвительно ответила ему Зои.

Потому что в эту самую секунду Аврора, стоявшая в десяти метрах от меня среди танцующей, толкающейся толпы, подняла голову и сквозь сизую дымку и мелькание чужих плеч встретилась взглядом со мной.

И весь остальной дом с его музыкой, сотней гостей и словами доктора Вэнса в моей голове просто перестал существовать.

Её губы чуть приоткрылись в беззвучном выдохе, когда она увидела меня у кухонной арки. Страх в её глазах мгновенно отступил, сменившись тем самым острым, обжигающим током, который бил нас обоих каждый раз, когда мы оказывались в одной комнате.

Я поставил бутылку с водой на стойку и шагнул вперед, в толпу, направляясь прямо к ней, еще не зная, что в дальнем углу гостиной у лестницы за каждым моим шагом уже следят полные ненависти глаза Бекки Митчелл и её новых пьяных друзей.

Глава 10. Аврора

Идти на эту вечеринку было ошибкой.

Я поняла это не тогда, когда мы с Зои переступили порог огромного двухэтажного особняка на Элм-стрит, и даже не тогда, когда тяжелая звуковая волна из открытой двери ударила мне в грудь с такой физической силой, что у меня на секунду перехватило дыхание.

Я поняла это еще полтора часа назад в нашей комнате в общежитии, когда Зои Миллер буквально взяла меня в заложники перед зеркалом в ванной.

— Даже не вздумай показывать мне свои страдальческие глаза, Винсли! — безапелляционно заявила она тогда, отбирая у меня мой любимый растянутый серый свитер и безжалостно зашвыривая его на верхнюю полку шкафа, куда я не могла дотянуться без стула. — Сегодня днем Бекка Митчелл попыталась размазать тебя по полу научной библиотеки на глазах у половины потока, а Коул Мерсер ради тебя публично закопал её репутацию на глубину двух метров! Как ты думаешь, что скажут все эти сплетники, если сегодня вечером ты будешь сидеть в своей норе под одеялом? Они решат, что Бекка попала в цель и ты скулишь в углу!

Я пыталась спорить. Я исписала три страницы своего блокнота доводами о том, что шумные спортивные тусовки — это последнее место на земле, где должна находиться девушка с посттравматическим синдромом и панической боязнью громких звуков. Я писала, что у меня не сведена лабораторная работа по резонансу, что на улице сыро и что мне физически плохо от скопления пьяных людей.

Но спорить с Зои Миллер, когда в её голубых глазах загорался азарт расследователя и свахи одновременно, было всё равно что пытаться остановить сход лавины ладонью.

— Ты пойдешь со мной ровно на сорок пять минут, — отрезала она, впихивая меня в узкие черные джинсы с высокой посадкой и простой черный топ на тонких бретельках, поверх которого мне милостиво разрешили набросить мою темно-зеленую фланелевую рубашку в клетку, но строго-настрого запретили застегивать её на пуговицы. — Мне нужно прижать к стенке Броди Каллахана по поводу закрытых бюджетов спортивного комитета, а тебе нужно показать этому чертову кампусу, что ты не боишься выходить на свет. Кроме того… это дом Мерсера. Ты будешь на его территории. Там тебя никто пальцем не тронет.

Она расчесала мои длинные каштановые волосы, категорически отказавшись возвращать мне деревянный карандаш для пучка, и потащила меня к выходу.

И вот теперь я стояла на границе прихожей и огромной гостиной хоккейного особняка, вцепившись ледяными пальцами в предплечье Зои, и мне казалось, что меня бросили в жерло действующего вулкана.

Здесь было слишком много всего.

Для человека, который провел триста семьдесят два дня в стерильном, выверенном до децибела мире библиотек и звукоизолированных боксов, этот дом был настоящей сенсорной пыткой. Сабвуферы, стоящие в углах гостиной, выплевывали такие низкие, жирные басы, что они проходили сквозь подошвы моих армейских ботинок, вибрировали в костях голеней и сбивали ритм собственного сердца.

Воздух был густым, горячим и липким, как растопленный сахар. Он состоял из десятка несовместимых слоев: резкого запаха пролитого на паркет светлого пива, приторно-сладкого глицеринового пара от электронных сигарет, висевшего под потолком сизыми облаками в красно-синем свете неоновых лент, мужского пота, дешевого бурбона и сотни женских парфюмов, слившихся в одну удушливую симфонию.

Вокруг нас двигалась, смеялась, кричала и толкалась плотная человеческая масса. Кто-то яростно ревел у сдвинутых посреди зала столов, где оранжевые шарики для пинг-понга со

звонким стуком летели в красные пластиковые стаканчики; кто-то зажимался прямо на широкой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж; кто-то танцевал у кирпичного камина, размахивая бутылками.

Каждое случайное прикосновение чужого плеча к моей руке заставляло меня вздрагивать, как от ожога. Мое периферийное зрение не справлялось с мельканием лиц и теней в полумраке. Мне хотелось зажать уши ладонями, натянуть на голову капюшон — которого сегодня на мне не было — и раствориться в воздухе.

И тут из глубины дома, от широкой кухонной арки, залитой более ярким желтым светом, к нам шагнул высокий, широкоплечий парень с взъерошенными пшеничными волосами и такой ослепительной, нахальной улыбкой, что даже в полумраке гостиной стало светлее. Расстегнутая на две верхние пуговицы темно-синяя рубашка открывала крепкую загорелую шею, а в руке он сжимал жестяную банку содовой.

Броди Каллахан. Капитан «Титанов» и лучший друг Коула.

— Миллер! — его громкий, грудной голос легко перекрыл грохот хип-хопа из колонок. Он остановился прямо перед нами, откровенно и с явным удовольствием окидывая Зои взглядом от края её короткой кожаной юбки до решительно вздернутого подбородка. — Какими судьбами в нашей скромной обители разврата? Пришла писать репортаж о моих скрытых талантах?

Я почувствовала, как рука Зои под моими пальцами мгновенно напряглась. Моя соседка, которая обычно не лезла за словом в карман перед самим деканом журфака, при виде капитана хоккейной сборной вдруг чуть заметно порозовела в скулах, но тут же ощетинилась, как дикая кошка.

— Не льсти себе, Каллахан, для описания твоих талантов хватит и рекламного буклета на три строчки, — парировала Зои, скрещивая руки на груди и вздергивая бровь. — Я пришла посмотреть, как элита университетского спорта соблюдает режим перед завтрашним матчем с «Северным Мичиганом». Или вы собираетесь дышать на соперников перегаром на вбрасывании?

Броди запрокинул голову и рассмеялся — искренне, заразительно, ничуть не обидевшись на её укол, а затем перевел свои живые зеленые глаза на меня.

Я внутренне сжалась, готовясь к привычной паузе и осторожному, жалостливому взгляду.

Но капитан «Титанов» просто широко, по-свойски улыбнулся мне и протянул свободную руку ладонью вперед, чтобы стукнуться кулаками:

— Привет, Аврора. Рад наконец-то познакомиться с единственным человеком на планете, который смог заставить нашего Жнеца выучить слово «реверберация». Я Броди. Если кто-то в этом доме будет шуметь слишком громко — только мигни, я выкину их на газон.

Я секунду смотрела на его протянутый кулак, удивленная тем, насколько просто и легко это прозвучало, а затем осторожно коснулась его костяшек своими холодными пальцами и слабо улыбнулась уголками губ.

— Ладно, акула пера, — Броди снова повернулся к Зои, наклоняясь к её лицу с заговорщическим прищуром. — Раз уж ты здесь в поисках компромата, пойдем на заднюю веранду, я покажу тебе нашу секретную тактическую схему и заодно налью безалкогольного пунша. А за твоей подругой тут уже идет личная охрана.

Зои бросила на меня быстрый взгляд, как бы спрашивая: *«Ты точно справишься?»*, и я заметила, куда именно она посмотрела перед тем, как кивнуть мне и позволить Броди увести себя сквозь толпу к выходу на веранду.

Я повернула голову к кухонной арке.

И весь оглушительный грохот вечеринки, сизый дым, запах пива и десятки толкающихся вокруг людей мгновенно размылись, превратившись в нерезкий фон.

Коул шел прямо ко мне.

Он двигался сквозь плотную толпу гостей так, как, наверное, двигался по льду во время силовой борьбы — люди сами инстинктивно расступались перед его высокой, литой фигурой в простой черной футболке, плотно обтягивающей широкую грудь и плечи, и темных джинсах. В этом неоновом полумраке, с тенями, лежащими на резких скулах и тяжелой линии челюсти, с черными узорами татуировок, уходящими вверх по мощным предплечьям к бицепсам, он выглядел пугающе красиво.

Но больше всего меня поразило выражение его лица.

Он не смотрел по сторонам. Его серые глаза, казавшиеся в красно-синем свете ламп почти черными, были прикованы исключительно ко мне — так пристально, жадно и неотрывно, будто я была миражом, который исчезнет, если он моргнет. Его взгляд медленно скользнул по моим распущенным волосам, по открытой шее, по тонкой ткани черного топа под расстегнутой рубашкой, и я физически, кожей почувствовала, как по телу от этого взгляда прокатилась горячая, обжигающая волна.

Он остановился в полушаге передо мной, сразу же отсекая своим широким корпусом компанию пьяных баскетболистов, которые слишком активно жестикулировали у стола для бирпонга.

От него пахло прохладной мятой, чистой хлопковой тканью и тем самым терпким древесным одеколоном, который уже начинал ассоциироваться у меня с абсолютной безопасностью.

— Что ты здесь делаешь, Птичка? — его низкий, хриплый голос прозвучал совсем близко: чтобы я услышала его сквозь рев колонок, Коулу пришлось наклониться к самому моему лицу. Его теплое дыхание коснулось моей щеки и завитка волос у виска, заставив мое сердце пропустить удар. — Я думал, ты ненавидишь толпу.

Я стояла, запрокинув голову, и смотрела в его глаза. Здесь, посреди его собственного дома, в окружении его шумного мира, он казался еще больше и еще ближе, чем в библиотеке.

Я не стала доставать бумажный блокнот — в такой давке и полумраке писать ручкой было бессмысленно. Вместо этого я вытащила из заднего кармана джинсов телефон, быстро набрала в заметках пару строк крупным шрифтом и развернула светящийся экран к его лицу:

«Зои взяла мой серый свитер в заложники и сказала, что если я не приду сюда на сорок пять минут, Бекка Митчелл выиграет эту войну. Но если честно, я уже оглохла от ваших басов».

Коул прочитал текст. Световое пятно от экрана смартфона отразилось в его зрачках. Уголок его разбитых губ дрогнул в теплой, понимающей усмешке. Он поднял на меня взгляд и вдруг протянул руку, осторожно, кончиками пальцев заправляя прядь моих распущенных волос мне за ухо.

Его шершавые подушечки пальцев намеренно медленно мазнули по моей скуле и мочке уха.

Я замерла, забыв, как делать вдох. В этом жесте посреди переполненной комнаты, где каждому было дело только до выпивки и танцев, была такая пугающая, невозможная нежность, что у меня подогнулись пальцы в тяжелых ботинках.

— У твоей соседки отличные тактические задатки, но отвратительное чувство самосохранения, — тихо сказал Коул прямо мне на ухо, не убирая ладони от моей шеи. Его большой палец легко коснулся линии моей челюсти. — И тебе очень идет без свитера, Винсли. Настолько идет, что мне сейчас хочется выгнать из этой комнаты всех парней в радиусе пятидесяти метров. Пойдем на кухню, я налью тебе воды и спрячу от этого зоопарка.

Он опустил ладонь с моей щеки к моей руке, собираясь переплести наши пальцы и увести меня из зала.

Но в эту секунду сбоку, со стороны лестницы, в наше крошечное пространство ворвалось пятно ослепительно-розового шелка и тяжелый, удушающий запах ванильной орхидеи.

Я даже не успела повернуть голову.

Бекка Митчелл, явно выпившая уже не один бокал и взвинченная до предела тем, что Коул на глазах у всей вечеринки стоит со мной у входа и касается моего лица, шла напролом от барной стойки с полным до краев большим пластиковым стаканом темно-красного клюквенного пунша с водкой.

— Ой, простите, тут так тесно! — её фальшиво-звонкий, пронзительный возглас прозвучал одновременно с тем, как она якобы случайно споткнулась на ровном месте и с размаху, прицельным движением локтя выплеснула всё ледяное, липкое содержимое своего стакана прямо мне на грудь.

Холодная, пахнущая дешевым спиртом и клюквой жидкость ударила меня в ключицы, мгновенно насквозь пропитав тонкий черный топ и светлую изнанку моей фланелевой рубашки, и потекла ледяными ручейками вниз по животу под пояс джинсов.

Я резко отшатнулась назад, беззвучно втягивая воздух сквозь зубы от ледяного шока.

— Какая я неловкая! — Бекка стояла в шаге от меня с пустым стаканом в руке, и хотя она картинно прижала свободную ладонь к губам, в её подведенных глазах плясало чистое, неприкрытое торжество. — Бедняжка Винсли, я вся тебя залила! Тебе срочно нужно в ванную, отстирать это, пока пятно не въелось! На втором этаже по коридору направо есть отличная раковина!

Я видела, как лицо Коула рядом со мной мгновенно потемнело, превратившись в грозовую тучу. Он шагнул вперед, заслоняя меня от Бекки, и его плечи напряглись так, что швы на черной футболке готовы были лопнуть.

— Ты совсем берега потеряла, Митчелл?! — голос Коула прозвучал как рык зверя перед прыжком. Музыка вокруг словно стала тише — ближайшие компании замерли, чувствуя назревающий взрыв. — Выметайся из моего дома прямо сейчас, пока я…

Я не дала ему договорить.

Меньше всего на свете я хотела стать причиной второго скандала за один день — здесь, в его собственном доме, перед его товарищами по команде, когда он и так находился на испытательном сроке у тренера. Мокрая ткань топа противно липла к коже груди, вызывая озноб, а десятки любопытных глаз снова, как днем в библиотеке, начали поворачиваться в мою сторону.

Я схватила Коула за предплечье обеими руками, привлекая его внимание к себе. Когда он резко обернулся ко мне, тяжело дыша от бешенства, я быстро покачала головой и показала ему жестом наверх, в сторону лестницы на второй этаж, одними губами четко произнеся:

«Всё нормально. Я просто смою это. Не трогай её».

— Я пойду с тобой наверх и дам тебе чистую футболку, — тут же отрезал Коул, перехватывая мою мокрую от пунша кисть.

Но в этот самый момент со стороны входной двери раздался оглушительный звон разбитого стекла и яростный крик Мэтта Донована: двое в стельку пьяных гостей из борцовской команды сцепились в прихожей и повалили стеллаж с кубками.

— Мерсер! Коул, мать твою, помоги разнять этих дебилов, пока они стену не пробили! — заорал Мэтт из коридора, пытаясь в одиночку удержать стокилограммового борца за воротник.

Коул выругался сквозь зубы, разрываясь между мной и дракой в прихожей. Я с силой толкнула его ладонью в грудь в сторону двери и уверенно кивнула: *«Иди к другу, я вернусь через две минуты».*

— Вторая дверь направо по коридору на втором этаже — это моя спальня, там внутри есть своя ванная, — быстро бросил мне Коул, пятясь к прихожей и не сводя с меня тревожного взгляда. — Иди прямо туда и закройся изнутри, я поднимусь через минуту!

Я кивнула ему, запахнула на груди мокрые полы фланелевой рубашки, чтобы скрыть облепивший тело насквозь промокший топ, и, опустив голову, быстро нырнула на деревянную

лестницу, ведущую на второй этаж, прочь от победной ухмылки Бекки Митчелл и шума первого этажа.

На втором этаже было значительно тише и темнее.

Сюда долетал только глухой, утробный стук басов снизу, от которого чуть подрагивали половицы под старой ковровой дорожкой. Длинный узкий коридор с высокими дверями спален освещался лишь одним тусклым бра с матовым желтым плафоном в самом конце прохода. В воздухе пахло старым деревом, пылью и чьим-то одеколоном.

Я шла быстро, обхватив себя руками за плечи — от мокрой ткани на груди меня уже начинало крупно знобить. *Вторая дверь направо.*Спальня Коула. Мне нужно было просто зайти туда, смыть липкий клюквенный сироп с кожи холодной водой, переодеться в любую его сухую вещь и спуститься вниз к Зои.

Я уже миновала первую дверь и протянула руку к латунной ручке второй комнаты, когда дверь гостевого санузла прямо напротив меня внезапно распахнулась.

Из неё, слегка пошатываясь и на ходу застегивая пряжку ремня на брендовых джинсах, вышел высокий, плотно сбитый парень с зализанными назад светлыми волосами и в бордовом клубном поло братства «Каппа».

Тайлер Вэнс — не родственник доктора Вэнса, а сын владельца сети автосалонов и лучший приятель бывшего парня Бекки Митчелл из футбольной сборной. Один из тех золотых мальчиков кампуса, которые искренне считали, что весь мир куплен для них папиной кредитной картой.

В тусклом свете коридора его мутные от алкоголя голубые глаза сфокусировались на мне.

Я попыталась молча проскользнуть мимо него к двери спальни Коула, но Тайлер шагнул в сторону, преграждая мне узкий проход своим массивным телом. От него несло дорогим виски, мятной жвачкой и тяжелым, липким самодовольством.

— Опа, — протянул он, расплываясь в маслянистой, пьяной ухмылке и бесцеремонно оглядывая мою мокрую на груди рубашку и облепивший кожу тонкий черный топ под ней. — Кого я вижу в темном коридоре. Та самая немая куколка Мерсера, из-за которой Бекка внизу рвет и мечет.

Сердце мгновенно ухнуло в пятки. Я молча отступила на шаг назад, пытаясь обойти его с левого фланга и дотянуться до ручки двери Коула.

Но Тайлер оказался быстрее, чем выглядел в своем подпитии. Его длинная рука метнулась вперед и с глухим стуком уперлась ладонью в деревянный косяк прямо у моей головы, а вторым шагом он прижал меня спиной к оклеенной обоями стене коридора, полностью блокируя выход к лестнице.

— Куда же ты так спешишь, Призрак? — он наклонился ко мне так близко, что его горячее, проспиртованное дыхание обожгло мне лицо. Его взгляд упал на мои ключицы, блестящие от красных капель пунша. — Вся мокрая… Ждешь своего бешеного пса? А мы с парнями внизу как раз спорили на сотню баксов: это правда, что ты вообще не можешь издать ни звука? Даже если тебя хорошенько прижать в темноте?

Холодный, парализующий ужас сковал мои внутренности.

Внизу грохотала музыка — басы как раз вышли на пик нового трека, заглушая любые шорохи на втором этаже. Коул был в прихожей с борцами, Зои и Броди — на задней веранде. Здесь, в этом полутемном узком коридоре, не было ни души.

И Тайлер прекрасно это понимал.

Он знал — весь этот проклятый университет знал мою главную уязвимость. Если любая другая девушка в такой ситуации могла просто закричать во все легкие, и через три секунды сюда бы сбежалась половина дома, то я была лишена даже этого элементарного права на защиту. Мое горло было моим предателем.

Я с силой уперлась обеими ладонями в его широкую грудь в бордовом поло и попыталась оттолкнуть его от себя, одновременно занося колено для удара в пах.

Но Тайлер, сам бывший игрок защиты лакросса, легко разгадал мое движение. Он с тихим смешком прижал меня к стене собственным бедром, лишая замаха, а своей свободной рукой грубо перехватил оба моих тонких запястья и завел их вверх, впечатывая в стену над моей головой.

— Тише, тише, котенок, не царапайся, — прошептал он мне прямо в ухо, прижимаясь всем своим тяжелым, потным корпусом к моему телу. Его свободная ладонь скользнула под полу моей мокрой фланелевой рубашки, грубо сжимая мою талию сквозь тонкую ткань топа. — Я же просто хочу проверить теорию. Ну же, скажи мне «нет», Винсли. Позови своего Жнеца. Если сможешь произнести хоть одно слово вслух — я прямо сейчас отпущу тебя и отдам тебе эту сотню баксов. Ну?

Он наклонился, пытаясь ткнуться своими мокрыми губами в мою шею.

В моих глазах потемнело.

Запах чужого алкоголя, невозможность пошевелить зажатыми над головой руками, тяжесть чужого тела, вдавливающего меня в стену, и абсолютная, удушающая немота внутри собственной гортани слились в один чудовищный кошмар. Я отчаянно, изо всех сил дернулась в его захвате, мотая головой из стороны в сторону, чтобы увернуться от его рта. Я раскрыла губы, пытаясь выдавить из себя крик — хоть писк, хоть хрип, хоть что-нибудь! — но перехваченное спазмом горло пропускало только рваный, беззвучный свист воздуха.

В грудной клетке начался пожар панической атаки. Кислород перестал поступать в кровь. Стены коридора вокруг меня начали стремительно сужаться, превращаясь в сминаемую крышу автомобиля под дождем.

Пальцы Тайлера на моей талии сжались больнее, задирая край топа вверх по ребрам:

— Видишь? Молчишь. Значит, тебе всё нравится…

Он не успел закончить фразу.

Потому что в следующее мгновение на верхней ступеньке лестницы в пяти метрах от нас возникла черная тень.

Я не услышала, как Коул поднялся на второй этаж — я увидела только его глаза.

В тусклом свете коридорного бра глаза Коула Мерсера не были глазами человека. Это были два осколка черного арктического льда, залитые такой первобытной, смертельной яростью, от которой воздух в коридоре мгновенно превратился в вакуум.

Коул не сказал ни слова. Не крикнул «эй!», не предупредил.

Он преодолел пять метров коридора за одну неуловимую долю секунды — как снаряд, выпущенный из гаубицы.

Одной рукой он вцепился сзади в воротник бордового поло Тайлера, а второй — в его ремень, и с какой-то нечеловеческой, чудовищной силищей просто оторвал восьмидесятипяти килограммового парня от меня, как тряпичную куклу. Ткань брендовой футболки Тайлера с сухим треском лопнула до середины спины.

Тайлер даже вскрикнуть не успел, как Коул развернул его в воздухе и с размаху впечатал спиной в противоположную стену коридора так, что со штукатурки с грохотом сорвалась и разлетелась вдребезги рамка с фотографией.

Мои освобожденные руки бессильно упали вдоль тела. Ноги в тяжелых ботинках перестали держать вес, и я медленно, задыхаясь от беззвучных рыданий и нехватки воздуха, сползла спиной по обоям вниз, на ковролин коридора, прижимая дрожащие пальцы к своему горлу, на котором всё еще ощущалось омерзительное дыхание Тайлера.

— Т-ты что творишь, псих… — захрипел Тайлер, пытаясь оторвать от своего горла стальное предплечье Коула, которым тот прижал его кадык к стене.

Коул не ответил. Он взял Тайлера за грудки, протащил его два метра по коридору до балюстрады лестницы и на глазах у полусотни гостей внизу, которые мгновенно затихли и подняли головы на шум, просто перебросил его через верхние ступеньки вниз.

Тайлер кубарем, с диким грохотом и криком покатился по деревянным ступеням первого пролета, сбивая по пути чьи-то стаканчики, и распластался на площадке посередине лестницы.

А Коул уже летел сверху вниз следом за ним, перепрыгивая через четыре ступеньки, с занесенным правым кулаком, затянутым в черный тейп, с лицом человека, который прямо сейчас собирается совершить умышленное убийство при ста свидетелях.

Если бы он ударил его там, на лестнице, всё было бы кончено — и испытательный срок, и хоккей, и его свобода.

И только в последнюю долю секунды откуда-то сбоку, из дверей веранды, на лестничную площадку ворвались Броди Каллахан и Мэтт Донован. Они вдвоем, всей своей объединенной массой двух игроков первой линии, буквально повисли на плечах и руках Коула в воздухе, перехватывая его за секунду до того, как его ботинок опустился на голову стонущего Тайлера.

— Стоять, Коул! Стоять, мать твою, это тюрьма! — Броди обхватил друга поперек груди в мертвый замок, упираясь ногами в перила, пока перепуганные гости внизу с визгом расступались к выходу. — Мэтт, вышвырни этого ублюдка Каппы на улицу, живо! Коул, посмотри наверх! Посмотри на неё, братан, ты нужен ей там, а не в наручниках!

Слова Броди подействовали на Коула как удар электрошокера.

Он резко замер в захвате капитана, тяжело, хрипло дыша, и медленно поднял голову вверх, на площадку второго этажа.

Туда, где в полумраке коридора на полу у стены сидела я — сжавшись в маленький комок, в мокрой от красного пунша рубашке, судорожно царапая ногтями собственное горло и задыхаясь в абсолютной, разрывающей легкие тишине.

В ту же секунду Коул сбросил с себя руки Броди, развернулся и в три гигантских прыжка взлетел обратно на второй этаж — прямо ко мне.

Глава 11.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.